
Арина
Арская
ПОСЛЕ РАЗВОДА
НОВАЯ СЕМЬЯ ПРЕДАТЕЛЯ

Арина Арская

После развода. Новая семья предателя

https://litres.ru/74294252

Аннотация

— У нас два варианта, — Роман смотрит на меня прямо и мрачно. Скулы заострились. — Лер, давай все обсудим, как взрослые люди. Без истерик. Я крепко сжимаю в руках вазу с ромашками и молчу. Одно лишнее движение, и я упаду в обморок. Тошнит. У моего мужа есть любовница. И она залетела. — Я облажался. Да, — по его лицу пробегает тень ярости. — Я не спорю, Лер, но аборт уже делать поздно. И ты ведь знаешь, что я считаю, что у ребенка должен быть отец. Поэтому… — Заткнись, — выдыхаю я судорожный шепот. — И проваливай. — Я тебя понял, — едва заметно прищуривается и усмехается, — значит, у нас все же один вариант. Развод. *** Пятнадцать лет брака, две дочери, которым тринадцать и одиннадцать лет, и беременная любовница мужа. Я не стала ничего слушать, и он ушел.

Содержание

Глава 1. У меня есть любовница 5
Глава 2. Что мы скажем дочерям? 9
Глава 3. Уходи 14
Глава 4. Я тебя услышал 18
Глава 5. Это не твое дело 22
Глава 6. Отпусти меня 26
Глава 7. Подумай 31
Глава 8. Нечего спасать 36
Глава 9. Ненавижу! 41
Глава 10. Предательница! 46
Глава 11. Приедет? 51
Глава 12. Ты ошибаешься 56
Глава 13. Пусть это станет твоим искуплением 60
Глава 14. Поговорили? 64
Глава 15. Папа ищет новое гнездо 68
Глава 16. Всегда люблю 72
Глава 17. Ты и так задержался 76
Глава 18. Держись, Лера 80
Глава 19. Без папы не будет хорошо 84
Глава 20. Это твоя ошибка 88
Глава 21. Когда станет понятно 93
Глава 22. Мы обе его не знали 97
Глава 23. Актрисы 101

Глава 24. Я знаю 106
Глава 25. Звонок 111
Глава 26. Чудовище 116
Глава 27. Дай мне сил 121
Глава 28. Уйти или остаться 126
Глава 29. Ты не в себе 132
Конец ознакомительного фрагмента. 133

Глава 1. У меня есть любовница

— У меня есть любовница и она беременна.

Время замедляется, и я, кажется, вижу, как над ромашками, которые я пытаюсь засунуть в узкое горлышко вазы, застыли пылинки, а потом время ускоряется и возвращается в свое обычное течение.

Я выдыхаю.

Букет ромашек проскальзывает в вазу, и сглатываю.

Может, я ослышалась?

Голову припекло на даче? Зря я не надела косынку.

Сердце так громко стучит и подскакивает чуть ли не к гландам.

— Лер.

Подхватываю вазу и разворачиваюсь к Роману.

Мы так хорошо сегодня отдохнули. Пожарили шашлык, в озере искупались и повалялись вод солнышком.

Ну да. Задумчивый чуток ходил. Не особо разговорчивый, но он никогда болтуном-то и не был.

— Я буду говорить прямо и без лишних… — Рома хмурится, — лишних оправданий, Лер, — смотрит на меня и переплетает пальцы на столе в крепкий замок. — В них сейчас нет смысла.

Сжимаю вазу крепче. Я слышу его слова, но мозг отказывается от них, и они вылетают из моей головы.

Из-за дневной щетины лицо Ромы кажется мрачнее, чем обычной. Он сегодня утром не брился, чему я очень удивилась, а он сказал, что ему было лень и вечером после дачи он “займется своей харей”.

А харя-то у моего мужа красивая. Волевая такая, с четким контуром широкой челюсти и высоким лбом.

Мне завидовали и завидуют, что я урвала такого красавчика, который мог только одной улыбкой сразить наповал. А еще он высокий. Да, среди всех остальных мужчин он всегда выделялся осанкой, уверенностью и харизмой.

— Надо цветы поставить в спальню… — тихо отзываюсь я, отказываясь верить его жестоким словам о другой женщине.

Наш брак не такой, как у других. Мы уважаем друг друга, и Роман бы не стал пятнать нашу семью и меня изменами.

У него же есть принципы.

Я делаю шаг к дверям кухни. Сейчас я — зомби, у которого мозги совсем не функционируют.

— Лера, — Роман вздыхает и закрывает на несколько секунд глаза. — Я повторяю. Моя любовница беременна.

— Это неправда, — говорю я и замираю.

Воздух сгущается отвращением, и я осязаю тишину кожей. Она липкая и холодная, как влажная плесень на овощах, которые начали подгнивать.

— Сядь, Лер, — Роман поднимает взгляд.

У него глаза цвета белого свинца. У зрачков радужка свет-

лее, чем у ободка. Я в его глаза часами могла по юности смотреть, пересчитывая реснички. Верно, любовь у нас была довольно шаблонно-приторной, как во всех этих сопливых песнях, что любят девочки-подростки.

Теперь и брак наш стал шаблонным из-за беременной любовницы.

— Сядь, Лер.

А голос какой. Я однажды сравнила Романа с тигром, который лежит и низко порыкивает с разной тональностью, в зависимости от ситуации.

Сейчас ситуация скверная, поэтому голос его вибрирует напряжением. Сильным напряжением, как у натянутой струны, которая вот-вот лопнет.

— Я постою.

Как обычно реагируют жены, когда узнают, что у мужа есть любовница? Как? У меня совсем нет желания кричать или плакать.

Я стою перед столом, за которым с прямой спиной сидит Роман, и не знаю, как быть. Ведь как-то надо быть. Надо что-то сказать. Спросить. Или хотя бы всхлипнуть.

Теперь я знаю, что такое шок.

Шок походит на заморозку. Мозги застыли, рук и ног не чувствую, и слышу только глухие удары сердца в груди.

— Да поставь ты эти ромашки! — Роман неожиданно повышает голос, а его глаза вспыхивают раздражением, но через секунду он опускает лицо, прижимает пальцы к перено-

сице и медленно выдыхает. — Извини. У меня сейчас крышу рвет. Лера, этот разговор должен между нами состояться.

Теперь в голосе моего мужа проскальзывают нотки злости.

Только на кого он злится?

На меня? Из-за того, что я реагирую на его признание не так, как он ожидал?

На себя? Из-за любовницы, которая забеременела, а он этого не планировал? А кто из гуляющих мужиков такое планирует?

В голове всплывает яркое воспоминание о нашем первом свидании, на котором мы сидели в сквере и пили в неловком молчании остывший кофе из бумажных стаканчиков.

Я тогда и подумать не могла, что через шестнадцать лет я буду стоять на кухне, в окна которой бьет предзакатное оранжевое солнце, и в ужасе пялится возмужавшего Громова Романа.

— Лер, — вновь смотрит на меня, — выслушай меня. И знай, что я не хочу ничего разрушать.

Глава 2. Что мы скажем дочерям?

— Не хочешь разрушать? — мои брови ползут на лоб. — Что ты несешь?

Мне бы бросить вазой в Рому, но мне жалко ромашки и вазу.

Вазу я купила случайно на барахолке. Белая с нежными розовыми цветами в акварельной технике. Очень ее люблю.

И ромашки жалко. Я зря, что ли, заставила Романа заехать в поле, уговорила его подождать меня, пока я набираю милый букет? Нет, он не фыркал, но был очень хмур. Теперь понимаю, что таким он сидел за рулем не из-за ромашек.

А из-за серьезного разговора о брюхатой любовнице.

Я, блин, планировала ужин легкий приготовить, душ принять и завалиться спать. Летние денечки, в которых много солнца и мало забот, подходят к концу. Скоро дочки вернутся из лагеря и начнется привычное мамское веселье.

— Ситуация скверная, согласен.

— Ситуация скверная, когда кот наложил кучу в домашние тапочки, — тихо и безэмоционально говорю я, — а ты… ты говоришь… Господи… — выдыхаю и закрываю глаза, — я отказываюсь в это верить…

— Но это правда.

Страхи паника.

У нас же дочери в сложном возрасте. Тринадцать и один-

надцать лет. Что их ждет? Что нас ждет?

— Лер, я тебя люблю, — говорит Рома, а я издаю короткий недоуменный смешок.

Любит?

Ему самому не смешно от своих слов, которые после новости о беременной любовнице звучат как жестокая издевка?

— Ты так и будешь молчать? — вопрошает Рома, а я в ответ лишь недоуменно моргаю.

Такая я.

Козы, например, при сильном испуге или стрессе замирают и падают. Вот и я недалеко ушла. Мне не до разговоров и не до криков.

— А что я должна сказать? — тихо отвечаю я и не моргаю. — Если это все правда, то… то уходи, Рома…

И будет, конечно, очень смешно, если другая женщина подарит Роману сына. Смешно и больно.

Мои вторые роды чуть не окончились моей смертью. Сильная кровопотеря, осложнения и как итог — я не могу больше иметь детей: срочная операция, из-за которой я стала стерильной.

Первый год после рождения Алины был для нас с Романом трудным. И это мягко сказано.

Я нырнула в сильнейшую депрессию, из которой меня вытащил Рома. Дом, бизнес, девочки и я были на нем.

Поэтому я и говорю, что наша семья — другая.

Мой муж другой.

Он меня тогда не бросил. Не оставил. Он боролся за меня и вытянул из черного болота любовью и надеждой, что мы справимся.

А теперь…

Теперь он говорит о любовнице?

Моего мужа подменили?

Когда я лежала целыми днями на кровати, отказывалась мыться и даже расчесываться, он был рядом и чистил мне зубы, а сейчас… Сейчас, когда я полна сил, планов и уверенности, он говорит, что у него есть другая?

— Почему? — спрашиваю я.

Я правда не понимаю.

Тогда он достойно ответил на вызов, как настоящий муж и отец. Выстоял, защитил семью и спас жену, которой каждый вечер массировал ноги, а потом ночью вставал кормить и укачивать младшую дочку.

А еще он пел колыбельные, и они тоже помогли мне воскреснуть из женской смерти и встать на ноги. И поверить.

Поверить, что Роман, мой Ромочка, всегда будет рядом со мной и что мы проживем с ним долгую и хорошую жизнь.

Но у него любовница.

— Почему? — Роман повторяется мой вопрос, и на его переносице пролегает морщинка. — Лер, потому что это… это не ты.

Роман — хороший муж и идеальный отец. Для девочек он

должен был быть тем примером мужчины, за которого точно можно выйти замуж без сомнений.

Но оказалось, что я не права.

Даже хороший муж и идеальный папа может сходить на лево. И не просто сходить, а заделать дочкам сестричку или братика.

По позвоночнику пробегает холодная искра отчаяния.

Я хотела минимум троих детей.

В юности была полна решимости родить пятерых, ведь я хотела большую, громкую и немного безумную семью, а Роман был не против. Ему нравилась эта светлая девичья мечта.

Может, я сейчас проснусь в холодном поту? Мне часто снятся реалистичные кошмары, но, похоже, не в этот раз.

— Что мы дочерям скажем?

Их ждет, наверное, самый жестокий удар в их жизни. Папа окажется предателем.

— Для начала надо нам все обсудить, Лер, — Роман хмурится сильнее. — Не надо девочек втягивать раньше времени.

— Да неужели? — мой голос вздрагивает.

— Ты сейчас начнешь кричать? — немного приподнимает подбородок и в ожидании прищуривается на меня.

— Не думаю, что это поможет.

— Верно, — кивает, взгляда с меня не спуская.

— Но что ты собрался со мной обсуждать? — понижаю

голос до шепота. — Ром, чего ты от меня хочешь?

Глава 3. Уходи

— У нас два варианта, — Роман смотрит на меня прямо и мрачно. Скулы заострились. — Лер, давай все обсудим, как взрослые люди. Без истерик.

Я крепко сжимаю в руках вазу с ромашками и молчу. Одно лишнее движение, и я упаду в обморок. Тошнит.

У моего мужа есть любовница. И она залетела.

— Я облажался. Да, — по его лицу пробегает тень ярости. — Я не спорю, Лер, но аборт уже делать поздно. И ты ведь знаешь, что я считаю, что у ребенка должен быть отец. Поэтому…

— Заткнись, — выдыхаю я судорожный шепот. — И проваливай.

— Я тебя понял, — едва заметно прищуривается и усмехается, — значит, у нас все же один вариант. Развод.

Начинает трясти.

Он, что, решил предложить мне забрать его ребенка от другой бабы? Вслух я этот вопрос не задаю, потому что тогда точно закричу. Закричу так громко, что окна повылетают.

— Мне жаль, Лера, что так все получилось, — он встает и продолжает на меня смотреть, — но ведь мы же можем…

— Нет, не можем, — я не моргаю. Фарфоровые стенки вазы под моими пальцами мокрые от холодного пота. — Не смей говорить этого. Слышишь? Не смей.

С нижнего века соскальзывает слеза и катится к губе.

Мой Рома оказался обычным кобелем.

— Уходи, — шепчу я, и мои вдохи становятся короткими и прерывистыми. — Может, она тебе еще сына родит… которого ты так хотел? М? — с вызовом вскидываю бровь.

— Прекрати, — взгляд Романа темнеет. — Дело не в этом, Лер.

— Да мне начхать в чем дело… Проваливай…

И вот теперь я швыряю в него вазу. Как в замедленной съемке наблюдаю за тем, как часть ромашек вылетает из горлышка и как выплескивается вода.

Роман отступает в сторону, и ваза встречается со стеной. Я не слышу звона. Звуки будто исчезли из моей реальности.

Ваза раскалывается на осколки, ромашки падаю на пол, а по стене стекает вода. Звуки резко возвращаются, и я слышу голос Романа:

— Это же была твоя любимая ваза.

Наши взгляды встречаются. На меня опять наваливается тупое недоумение. Его сейчас волнует лишь то, что я разбила любимую вазу?

Смотрит и смотрит на меня. Делает шаг, протягивает руку, а я срываю полотенце с дверцы нижнего шкафчика и в ярости отмахиваюсь от него:

— Не подходи! Не смей!

Еще полчаса назад я его игриво целовала, обнимала и шепотом спрашивала, почему он сегодня такой бука, а сейчас

меня тошнит и точно вырвет, если он коснется меня.

— Я понимаю, — вздыхает он и усмехается. — Было глупо ожидать, что ты послушаешь меня.

— Послушать?! — рявкаю я. — Послушать?! Ты в своем уме?!

— Мы можем сохранить семью! — Роман повышает голос. — Ради девочек! И ты ведь хотела еще детей!

И опять зависаю. С открытым ртом и вскинутой бровью. Когда мой муж успел отупеть? Или он такую глупость городит из-за растерянности перед моим гневом?

— Мы же с тобой говорили о том, что можно найти донорскую яйцеклетку, суррогатную маму…

— Замолчи! — взвизгиваю. — Ты совсем идиот?! Да что с тобой?! Нет! Уходи! Уходи! Уходи!

— Возьми себя в руки! — от его бас люстра покачивается над моей головой.

Я замолкаю, а Роман тяжело дышит. Его верхняя губа дергается:

— Я мог этого ребенка скрыть от тебя, Лер, но я решил раскрыть карты. Ясно? И вместе…

— Нет больше никакого вместе! Ты не понимаешь?! Нет! И это ты виноват! Ты!

— Я знаю!

— И ты еще смеешь мне предлагать такое! — кричу на Романа шепотом, потому что окна на кухне открыты и нас могут услышать. — Такое! Может ты бы еще предложил мне

с накладным пузом ходить, чтобы всех точно убедить, что это якобы наш малыш?!

Мы за эти годы стали очень близки, и я в силах понять и прикинуть, в каком направлении думает Роман.

Он молчит, но я по глазам вижу, что моя догадка попала прямо в цель.

— То есть ты готов отнять ребенка у женщины?

Моего мужа точно украли инопланетяне, поковырялись у него в мозгах и вернули его мне. Наглого и тупого.

— Лер, заставить я тебя не могу.

— Ты еще думал, как бы меня заставить все это проглотить? — охаю я. — И мне очень интересно как ты бы это сделал.

— Мы должны вместе это перешагнуть и пережить, — сжимает переносицу. — Я знаю, тебе сложно… Может, тебе нужно время, как и мне. Лер, — тяжело вздыхает, — ты же для меня самый близкий человек. Неужели я потеряю тебя?

Глава 4. Я тебя услышал

— Если не ты сейчас уйдешь, Рома, — у меня дрожат руки, — то уйду я.

— Ты думаешь, что я тебя в таком состоянии отпущу?

— О, ты, конечно, можешь меня еще запереть ко всему прочему?! — смеюсь на грани истерики. — Очень по-взрослому, да. И по-мужски.

Рома вскидывает бровь. Ага, в этот раз я все же не угадала с его дальнейшими действиями.

— Запереть взрослую женщину? — он усмехается. — Может, еще приковать к батарее? Я тебе, что, маньяк какой-то?

А после мы опять молчим и смотрим друг на друга.

Неблагодарное дело пытаться понять, что у другого человека в голове. Я не понимаю Романа и не пойму.

Он устал от меня, поэтому решил разнообразить свою сексуальную жизнь другой женщиной.

— Кто она?

Я зря задаю этот вопрос. Ответ ничего не изменит.

— Я не хочу отвечать на этот вопрос, Лер, — по лицу Романа пробегает темная тень. — Это такая банальность.

И это уже есть ответ. Я понимаю, о ком идет речь. Прижимаю пальцы к губам и издаю короткий и разочарованный хохоток:

— Наташа? Это Наташа, да?

Молчит и вздыхает, подтверждая мои подозрения.

Обалдеть.

И правда, такая дикая банальность, что я смеюсь. Мой муж закрутил роман с личной помощницей, которую взял на работу около года назад.

Милая, старательная и очень вежливая девочка.

Она и меня не раз выручала. Всегда была на подхвате. Она девочек иногда забирала со школы, бежала по мелким поручениям. Например, забрать вещи из химчистки. Дождаться курьера или найти хорошего мастера, который починит компьютер наших дочек.

Очаровательная и исполнительная крошка.

Одевается скромно, никогда не повышает голос и всегда обращалась на "вы". Ко мне и Роману.

С девочками очень сдружилась, и у них даже появились свои девичьи секретики.

Я бы уверена в Романе на все сто процентов, поэтому и подумать не могла, что он наскочит на Наташу.

Он же не такой. Не банальный похотливый мужик, который решит просрать семью из-за физического мимолетного удовольствия.

— Слушай, Лер, — Роман вновь делает бесшумный и осторожный шаг ко мне. — Я с ней порвать решил, а она мне про беременность сказала. Порвать и уволить.

— Я не хочу знать подробностей…

Под новой волной тошноты меня покачивает, и я опира-

юсь слабой рукой о край стола. Поднимаю мутный взгляд на Романа.

Пятнадцать лет брака.

Хорошего и крепкого брака. Да, не без трудностей, но наш брак был для многих примером того, как мужчина и женщина должны строить семью.

— Лер, — Роман берет меня за ладонь и мягко ее сжимает. — Ты ведь у меня умная женщина…

Вырываю руку, замахиваюсь для пощечины, но Роман успевает среагировать на мою вспышку агрессии.

Перехватывает мою руку за запястье. Глаза становятся темные-темные, а на щеке перекатывается желвака.

— Мы без тебя не пропадем, — цежу я сквозь зубы, а у самой в груди нарастает паника. — Ясно? Я с девочками…

— А я все еще их отец, Лера, — голос у Романа становится холодным и острым, как лезвие ножа.

— Ты им перестал быть…

— Давай-ка, ты сбавишь обороты, — сжимает мое запястье крепче. — Выдохни, Лер. И ты не та женщина, которая начнет настраивать дочерей против отца. Верно?

— Что ж ты о них не подумал, когда на Наташечку полез, а? — я вскидываю подбородок.

Он хмыкает.

— Что нечего сказать?

— Да, — поскрипывает зубами. — Нечего. Да и наш весь разговор вышел не таким, каким я его представлял.

— Ну да, я не терпила, которая будет воспитывать чужого ребенка, — скалюсь на него в отчаянии, — ты совсем офанарел?!

— Я тебя уже услышал, — лицо романа становится отстраненным. — Услышал и понял. Можешь не повторять.

— Тогда какого черта ты все еще стоишь предо мной? Или ты ждешь, чтобы я ушла?! И тогда ты в нашу квартиру приведешь свою беременную блядь? — кричу и брызжу слюнойв лицо Романа. — Ей же наше гнездышко очень понравилось, да? Не зря она так хвалила нашу квартиру! Какая она большая! А я дура! Уши развесила! Может, ты ее в нашей спальне уже успел отыметь.

— Нет, — у Романа вздрагивают крылья носа. — Нет, Лер, я не позволил себе такую наглость.

— Ой, ну спасибо! — рявкаю ему в лицо.

— Ты права, — он отступает, не разрывая нашего напряженного зрительного контакта, — я должен уйти. Теперь это не наш дом, а только твой.

Глава 5. Это не твое дело

Смотрю на ромашки, что в хаосе лежат на полу среди осколков в луже, и выдыхаю. Я была в поле умиротворенной и по-летнему счастливой. Срывала ромашку за ромашкой, оглядывалась на Романа, который стоял у машины, и с улыбкой махала ему.

Прошло всего пара часов и все изменилось.

Во мне больше нет тепла и летнего уютного счастья. Во мне много страха. Да, именно страха, а не обиды.

Как я теперь без Ромы?

И вопрос тут не в финансах, а в душе, которая приросла намертво к нему. И сейчас ее жестоко дернули, и мне больно.

Также больно, как после слов врача, что меня чудом спасли и что больше у меня не будет детей.

Я думала, что я больше не испытаю этого ужаса и слабости перед жестокой реальностью, но я ошибалась.

И удар нанес самый близкий человек. Тот человек, который в прошлый раз меня спас.

Расстегиваю дрожащими пальцами ворот льняного платья в мелкую крапинку и медленно опускаюсь на стул, глядя на осколки и ромашки.

Сердце давит.

Нет больше Леры и Ромы.

Какая глупость.

Мы ведь обещали быть друг у друга всегда.

С сиплым присвистом я выдыхаю через рот. Покачиваюсь и закрываю глаза.

Что мы скажем нашим дочерям, когда они вернутся? А вернутся они уже через сутки. Загорелые, счастливые, с письмами от друзей, которые завели в лагере.

И кто их встретит?

Господи.

Крепко зажмуриваюсь. Правда их не убьет, но сильно ранит. Так сильно, что шрам в их сердце останется навсегда. Самый важный мужчина в их жизни окажется мудлом обыкновенным и лжецом.

Это так несправедливо и нечестно по отношению к ним.

Я встаю.

Минуту смотрю в окно, прижав ладонь к шее, а после выхожу из кухни, аккуратно перешагивая осколки.

Я все еще верю, что мне снится кошмар.

В гостевой уборной я умываюсь холодной водой и смотрю в отражение. Конечно, мне уже не восемнадцать лет, но выгляжу я хорошо. Ко мне не прикопаешься с претензиями, что я потолстела, что я не ухаживаю за собой и что не брею интимную зону.

Я могла наскучить. Это да. Мужики же такие. Они же любят сравнивать женщин с пельменями, которые надоедают, когда ешь их изо дня в день.

Меня это всегда возмущало.

Я — не пельмени.

Я — человек. Я — женщина. А если тебе захотелось свежей плоти, то дело в том, что больше нет любви.

Захожу в спальню и заглядываю в гардеробную. Роман срывает с плечиков рубашки и кидает на пуфик. Замечает меня.

— Ты хочешь что-то сказать? — спрашивает он и выдвигает ящик с носками. Переводит на меня взгляд. — Или позлорадствовать?

— Я хочу с тобой разосраться в пух и прах, — честно говорю я. — Понимаешь? Я хочу остаться с тобой врагами. Я хочу, чтобы ты исчез из жизни наших дочерей. Исчез, Рома.

— Я не исчезну из жизни дочерей, — смотрит в упор. — Они — мои малышки. Алинку вообще я сам выкормил своими руками, Лер. Я их отец. Не на словах. Я прожил с ними все. И болезни, и бессонные ночи, и зубы…

— Я знаю, — едва слышно отвечаю я. — Знаю…

От этого и больно. Роман — не мудак. Не равнодушный отец. Не жестокий урод.

— Я знаю, что будет сложно, — говорит Рома. — Будут истерики. Крики. Признания в ненависти. Будут, да, но я останусь их отцом.

В голове вспыхивает предательский огонек отчаянной надежды, которая родилась из страха перед одиночеством.

Может, согласиться на его план? М?

Тогда для наших дочерей сохраниться иллюзия крепкой

и счастливой семьи, а я… Я постараюсь принять ситуацию такой, какая она есть ради Алинки и Варьки.

Нет.

Что за глупость?

Я не смогу.

Я возненавижу всех вокруг и особенно себя за самообман. Если что я и должна принять, так это то, что у нас нет будущего с Романом.

— Я не смогу все вещи сегодня забрать, — Роман кидает к рубашкам черные носки, — возьму лишь часть, а за остальным пришлю человека.

Это действительно происходит. Он собирает вещи и сегодня съедет. Покинет мою жизнь, как любимый муж.

— Уж не Наташечку ли пришлешь? — едко интересуюсь я.

— Нет, не Наташу, — аккуратно и медленно задвигает ящик, а затем выдвигает другой с чистыми трусами и футболками. — С Наташей меня ждет отдельный разговор.

— И какой же?

Роман подхватывает стопку белых футболок, разворачивается ко мне и криво улыбается:

— Если мы разводимся, Лер, то тебя это не должно волновать.

Глава 6. Отпусти меня

— Я знаю, что ты обижена, Лера! — Роман говорит на повышенных тонах. — И согласен, что мое предложение сейчас на эмоциях кажется абсурдным и возмутительным, но…

— То, что я не могу больше тебе родить, не дает тебе индульгенцию! Не дает! — я кричу. — Мы это с тобой обсуждали!

Я сейчас разорвусь на части от гнева, обиды и отчаяния.

— Обсуждали! — повторяю я. — Это не моя вина!

— Да я не об этом! — Роман тоже кричит, пинает чемодан, который падает, и смотрит на меня. — Я не планировал этого ребенка, ясно? И все это завертелось не из-за того, что я хочу третьего! Не передергивай, Лера! Но раз этот ребенок будет, то…

— Нет! Нет! Нет!

Накрываю лицо ладонью:

— Я тебе, конечно, говорила, что мы можем третьего завести через донорскую яйцеклетку и суррогатную маму, но… — смеюсь, — я не подразумевала, что ты пойдешь налево и обрюхатишь свою помощницу.

Убираю рук с лица и смотрю на Романа:

— Согласись, разница между беременной шлюхой и суррогатной матерью с донорской яйцеклеткой огромная, Рома. И как ты собираешься забрать ребенка у родной матери?

— Этот вопрос решаем, — мрачно говорит мой муж и буравит меня взглядом. — Лер, эмоции сейчас лишние.

Усмехаюсь:

— Вот оно что, — всматриваюсь в его лицо, — у тебя ко мне не осталось эмоций. Вот и причина.

— Да что ты несешь?! — рявкает он и в следующую секунду бьет кулаком по стене. На штукатурке остается вмятина и тонкие трещины. По лицу Романа пробегает судорога, которая искажает его губы в ухмылку. — Может, наоборот?! А?! У меня к тебе слишком много эмоций?! Ты об этом не подумала? Слишком много!

Затем он замолкает и в каком-то черном отчаянии смотрит на меня. И мне жутко от его взгляда, потому что я в нем вижу сейчас и возбуждение, и желание задушить меня.

Мой муж сейчас похож на маньяка, который с трудом сдерживает себя от атаки на жертву.

— Лер… — он сглатывает, не спуская с меня взгляда, — я думаю, тебе стоит сейчас выйти…

Его начинает аж потряхивать:

— Выйди, — чеканит он сквозь зубы каждый слог, — а то, Лер, живого места не оставлю…

Я замираю и не шевелюсь.

Что это было?

Это не мой муж. Мой муж никогда такими вульгарными и жестокими угрозами не кидался.

По коже пробегает холодок, и я медленно отступаю к две-

ри гардеробной. Я будто оказалась в клетке со злобным медведем, который порвет на части за любое неосторожное движение.

Что с Романом?

Это так сказался на нем стресс от непростого разговора и разочарования, что я не буду воспитывать его нагулянного ребенка?

Мое упрямство его злит, и он хочет меня за него наказать? А после решит грубо и жестко продавить на свои условия?

— Я думаю, что нам сегодня больше не стоит ничего обсуждать, Лер, — голос у Романа низкий и хриплый. Взгляд — в упор. — Это непродуктивно. Ты срываешься, а за тобой тоже ловлю волну и могу наделать больших глупостей.

— Самую большую глупость ты уже совершил…

За долю секунды его веки вздрагивают в беглом прищуре, после следует выдох, и он кидается ко мне.

Я вскрикиваю, выбегаю в спальню, и через секунду Роман меня нагоняет и валит на кровать, которая мягко и беззвучно пружинит. В мозгу вспыхивает глупая и абсурдная мысль, что мы купили хороший матрас. Не прогадали.

Возвращаюсь в реальность уже в тот момент, когда Роман с рыком отшатывается от меня с кровью на губах.

Он успел меня поцеловать? Похоже, что да, ведь я чувствую на языке привкус солоноватой крови.

— Ах ты, дрянь, — рычит он и сжимает пальцы на моей шее, перекрывая доступ к воздуху.

Я смотрю на Романа широко-распахнутыми глазами и совершенно ничего не понимаю. Я его не узнаю, будто попала в параллельную вселенную, в которой Рома - жестокий подлец.

Но мой Рома не такой.

Совсем не такой.

В шоке от грубости и ненависти, что горит в его глазах, я не сопротивляюсь. Не двигаюсь.

А просто смотрю в его холодные стальные глаза.

В нежелании потерять меня, как жену, он может меня сейчас придушить, и я, наверное, даже согласна на такую участь.

Мертвую меня не ждут развод и одинокие ночи с вопросами “за что?” и “почему?”, но Роман ослабляет свою хватку, и я делаю хриплый вздох, который обжигает трахею и легкие. По левому виску бежит слеза.

Роман резко подается ко мне. Я вздрагиваю и зажмуриваюсь в страхе.

— Прости, — касается моего лба своим. — Меня что-то клинит…

Он горячий, и дыхание тяжелое.

— Ты права, — он усмехается. — Это конец, но надежда ведь умирает последней, да?

— Отпусти меня, — сипло отзываюсь я. — Пожалуйста, отпусти… Рома…

С уголков глаз срываются новые горькие слезы.

Пятнадцать лет брака осыпались прахом в наших руках.

Роман резко откатывается к краю кровати и садится. Упирается локтями в колени и прячет лицо в ладонях:

— Я не должен был всего этого тебе говорить.

Глава 7. Подумай

— И ты его выгнала? — вопрошает моя мама, а я размазываю слезы по лицу.

Она стоит передо мной с веником и совком. Я так ромашки и осколки вазы не убрала.

После вспышки агрессии у Романа я заперлась в ванной. Дождалась, когда он уйдет, и позвонила маме.

Сейчас я понимаю, что это было не лучшее решение, потому что вижу в глазах мамы совсем не сочувствие, а панику.

— Мам, у него любовница… И он… Мам, — я теряюсь от ее обвинительного вопроса, — он предложил…

— Не надо повторять, — мама хмурится. — Я с первого раза все расслышала.

— Он мне изменял! — Я повышаю голос в желании достучаться до матери хотя бы криком. — Ты меня слышишь? Господи! Мама! Я понимаю, он твой любимый зять, и вообще золотой мужик, но он, — повторяю по слогам, — мне изменял! И шлюха эта залетела!

— И ты его отпустила к этой шлюхе, да?

— Что?

Какой-то день сегодня дурацкий. Либо я отупела, потому что не понимаю ни маму, ни Романа.

— Да пусть катится, — обескураженно шепчу я. — Я не буду с ним после такого.

— То есть я правильно понимаю, что ты его насовсем выпроводила, так? — мама неодобрительно прищуривается.

Недоуменно моргаю. Я, может, не заметила и попала в зазеркалье?

— Лер, — мама откладывает на пол к куче осколков и ромашек вени и совок и садится за стол, — пожури его, помотай нервы, припугни… но не рви окончательно…

— Мам, что ты такое говоришь?

Мама отворачивается, смотрит в сторону и хмурится сильнее, а затем переводит на меня мрачный и тяжелый взгляд:

— Ты сама сказала, что он не хотел уходить, — почти шепчет и будто на грани слез. — Да, он предложил разрулить ситуации по-мужицки, но… Лер, ваш третий ребенок был бы тебе в любом случае не родным. Ведь так?

— Не начинай…

В груди поднимается злость. Вот сейчас я понимаю, к чему мама клонит, и я хочу ее заткнуть. Не просто словами, а кулаками.

Она касается очень больного вопроса, в котором я чувствую свою слабость и уязвимость, как женщина.

— Выбор донора и яйцеклетки и сурогатной матери… — стараюсь говорить спокойно и твердо, но пальцы дрожат.

— Да, есть разница между этим и беременной любовницей, — мама кивает, — но давай будем честными, Лер, мужики часто срываются. И знаешь… Ты о себе подумала?

— Вот я о себе и подумала.

Мама опять молчит. Сжимает губы до тонкой ниточки и многозначительно вздыхает. Пауза слишком затягивается. Вероятно, за не последует очень неприятные слова.

— Лер…

— Мам, ты хорошо подумай, прежде чем говорить.

— Лер, ты же сама должна все понимать, — мама игнорирует мое предупреждение. — Новых серьезных отношений в твоей жизни может теперь и не быть.

— Мама, — цежу сквозь зубы.

— Ты не сможешь родить новому мужчине общего ребенка, — мама даже не моргает сейчас. — И обычно мужчины боятся… Боятся женщин, у которых…

— Прекрати, — у меня дергается лицо в гримасе гнева.

— А Рома ведь принял такой, какая ты есть. Он любит тебя, — продолжает говорить мама. — Да только благодаря ему ты жива, Лера. Это он вытащил тебя. Он тащил тебя, дочек… Да любой другой бы уже сбежал, Лера.

— Это было тогда…

— Это всегда с вами, — мама цепко вглядывается в мои глаза. — Да какому мужику будут приятны все эти разговоры и планы про донорскую яйцеклетку, суррогатную мать? Будь честной, Лер, — делает паузу, — если у тебя будут мужчины, то только на что-то несерьезное.

Смахивает со стола воображаемые крошки и вновь смотрит на меня:

— Поэтому не руби ты так скоро, доча. Нервы помотай, да, приструни.

Калека и пустышка. Вот кто я в глазах матери, и у нее одно беспокойство, что я останусь без мужика.

Если Роман пошел налево, то верить другому я точно не смогу.

— Нет бы меня поддержать, мам, — горько усмехаюсь я. — Обнять, поплакать вместе со мной и согласиться, что Роман козел и урод, а ты меня решила допинать?

— А о дочках ты подумала?

— Обалдеть, — откидываюсь назад и обескураженно взираю на маму, которая поправляет ворот скромного бежевого платья в мелкий цветочек. — То есть ты считаешь, раз я не могу больше рожать, то мне можно изменять.

— Я не говорила этого, — с осуждением качает головой. — Ты не переиначивай мои слова. Я прошу тебя все взвесить на холодный ум, Лера. Я очень боюсь, что если не будет рядом Романа, то ты опять нырнешь в болото. И кто в этот раз будет тебя спасать?

Смеюсь. Вот после таких речей, в которых меня выставили обузой для Романа, я должна воспылать решением понять и принять измену с внебрачным ребенком?

Неужели у Романа были такие же мысли на это счет?

И, может, именно тот факт, что я неликвид на рынке фертильных женщин, и подарил чувство безнаказанности моему мужу?

Проглочу из-за страха остаться одной без мужчины.

— Мам, я зря попросила тебя прийти, — устало поглаживаю лоб.

Все, плакать больше не хочется. Мне противно и муторно.

— Я твоему отцу пока не буду ничего говорить, — мама встает и оправляет подол платья. — Может, вы еще помиритесь. Погавкаетесь, разбежитесь на пару недель, а потом…

— Нет, — поднимаю взгляд. — И одна я не останусь. У меня есть дочери.

— А если они примут сторону отца? Они его любят, Лер, и у них крепкая связь. Младшую так он вообще сам выкормил, — вздыхает. — Поистери, покричи, но держи его на коротком поводке, а то потом, Лер, выть будешь.

Глава 8. Нечего спасать

— Водитель заберет девочек с автобуса…

Голос Романа чуток искажен в динамике телефона, но его хрипотца делает мне больно, будто ножом режут сердце на маленькие кусочки.

Я улавливаю в этой хрипотце напряжение, пусть Роман и пытается говорить спокойно и отстраненно.

Я хочу спросить его, где он сейчас. В гостинице? В корпоративной холодной квартире? Или у Наташи?

Но я не спрашиваю, потому что это не мое дело.

— И заеду домой…

— Нет.

— Нам надо с дочерьми поговорить, — Роман устало вздыхает. — Или что ты предлагаешь?

— Я сама им все расскажу…

— Ну, конечно, — хрипло смеется, и у меня от его тихого маньячного смеха, в котором вибрирует разочарование во мне, — ты кем пытаешься меня выставить? Отцом, который боится своих дочерей? Или тем, кто сбежал и спрятался в кусты, а ты печальная поведаешь им какой папа-козел?

— Я постараюсь говорить сдержанно.

Кого я обманываю?

Конечно, я разрыдаюсь при дочерях и, вероятно, выпущу из себя гнев на их отца за то, что он меня предал. Роман

хорошо меня знает и справедливо предполагает, что меня сильно накроет при Алинке и Варюше.

— Ты думаешь, что я им наговорю про тебя гадости?

— Я думаю, что новость о нашем разводе и других обстоятельствах они должны услышать от нас двоих, — голос Романа становится тише и злее. — И нет, я не думаю, что ты начнешь настраивать девочек против меня. И еще раз, я не собираюсь исчезать из их жизни. Ты уж прости, моя дорогая, но так сложились обстоятельства, что я не для галочки стою в их свидетельствах о рождении.

Замолкает, а я закрываю глаза.

Нет, конечно, не исчезнет. И, может быть, девочки в первое время обидятся на него, но потом их потянет к папе, а он хороший папа. Уютный, теплый и с ним можно внезапно устроить вечер караоке.

Их потянет к нему. Эту связь между ними не разорвать разводом и его изменами, увы. Да, ударит сильно. От этого удара любовь к отцу может извратиться до дикой ревности к новому ребенку, и девочки могут рвануть с концами к папе на постоянное место жительство в страхе его совсем потерять.

— Лер, ты хорошо подумала?

Я не сразу понимаю, к чему относится тихий вопрос Романа.

— Лер, я не могу тебя заставить… вынудить… У нас изначально были другие отношения, да? Мы, как ты говорила,

любые сложности можем пережить, да?

— Под этими сложностями я не имела в виду брюхатую шлюху, — цежу сквозь зубы в телефон. — Думаешь, стоило уточнять такие моменты для особо одаренного мужика? Нет, я не передумала.

Конечно, я не скажу ему, что ночью рыдала в голос, каталась по полу и множество раз тянулась к телефону в желании позвонить ему и позвать.

Позвать и все равно, что у него будет ребенок на стороне. Лишь бы был рядом. Лишь вновь накрыл пледом, сварил свое фирменное какао и сел рядом на полу.

Но я лишилась его заботы.

И от этого страшно, ведь я привыкла к тому, что мне нальют чай, приготовят завтрак, а после заплетут девочкам в школу красивые тугие косы с пышными бантами.

— Не передумала? — повторяет Роман, и его тон становится более официальным и сдержанным.

— Нет, — сглатываю ком. — Это развод, Рома. Я, конечно, по мнению мамы инвалидка,которая сдохнет в одиночестве. И ты ведь, вероятно, с ней согласен.

— Остановись.

И я подчиняюсь его приказу, потому что согласна, что меня опять начало заносить не в ту степь.

— Я не согласен с твоей матерью. Я с ней, в принципе, во многом всегда не согласен был, но это уже пустое.

— Да, пустое.

Молчим. И никто не бросает трубку. Я вслушиваюсь в дыхание Романа, закусив до боли губы.

Почему нельзя взять и выключить в себя чувства к другому человеку после его предательства?

Зачем человек вообще научился так любить, что почти физически ощущаешь эту боль, страх одиночества и тоску?

— Если ты все решила, то тебя не переубедить, — наконец, хмыкает Роман. — Ладно, давай ближе к делу…

По щеке все же скатывается слеза. Кожу щиплет от соли.

— Я через час отправляю водителя, — отчужденно говорит Роман, — девочек предупрежу, куратора тоже. Я считаю, что дома мы должны их встретить вдвоем.

— Это ничего не изменит.

— Да, не изменит, но важно правильно подвести к разговору и начать его, Лер. Можно на эмоциях прокатить Алинку и Варю, устроит головокружительный вираж, но давай постараемся этого избежать. Это мы тут взрослые, а они дети.

— И где же была твоя рассудительность, когда ты полез на Наташу? Да, мы взрослые, Рома, но не тебе об этом говорить.

Очень медленный выдох, и тихие слова:

— Если тебе нужен разговор, то предлагаю поговорить. Попробуем еще раз. Мы подостыли чуток.

— Нет, — отзываюсь я достаточно резко и агрессивно. — не о чем говорить. Зачем тянуть агонию?

— Затем, чтобы попытаться спасти семью?

— Нечего спасать, — твердо отвечаю я. — Это развод,

Рома. Я соглашусь, что надо вместе поговорить с девочками, но большего не жди.

— Я тебя понял, Лера, — мне кажется, я слышу в голосе Романа усмешку. — Но давай мы кое-что уясним теперь. Если тебе нечего спасать и не о чем говорить, то я больше не буду терпеть твои срывы в беседах со мной, какое я мудло, блядун и урод.

Сжимаю смартфон до боли в пальцах и тихо отзываюсь:

— Это справедливо. Нам надо теперь иначе строить отношения. Как бывшие муж и жена, у которых есть дети.

Глава 9. Ненавижу!

— Я изменял вашей маме с Наташей, — спокойно и немного отстраненно говорит Роман, — и она сейчас ждет ребенка.

Я удивлена тому, что Рома настолько честен с дочерьми, которые в гнетущем молчании бледнеют, бегло смотрят на меня, а затем вновь на отца.

Теперь моя очередь подать голос:

— Поэтому будет развод, — на секунду прижимаю кончик языка к небу, чтобы сосредоточиться, — мы решили… с папой решили, что это конец.

Роман бегло и едва заметно усмехается моей лжи. Мы не решали. Это ведь я решила, что нашим отношениям конец, но я не думаю, что девочкам стоит знать гениальный план папуля выдать внебрачного ребенка за нашего.

Потому что дочери однажды могут это припомнить мне в ссорах, что лучше бы они ничего не знали, и с позиции испуганного подростка я сейчас согласна с этой мыслью.

Лучше не знать, что папа изменял маме, но из-за женского эгоизма я решила вскрыть правду.

И я имею на это полное право, но факт остается фактом: могла сохранить дочек от этого жестокого удара. Могла, пусть и ценой своей гордости.

— Наташа… беременна? — хрипло переспрашивает Ва-

рюша.

— Да, — коротко кивает Роман. — Девочки, я знаю, что слышать такое… мягко скажем, шок. Да, это шок, но вот так. Это не отменяет того, что вы мои дочери и что я вас люблю.

Алинка и Варька не шевелятся и не моргают. Похожи на кукол сейчас.

И я честно, не знаю, как быть дальше. Что говорить и как обрисовать ситуацию, что все будет хорошо, если я сама в этом не уверена.

— Наташа? — сипит Алинка.

Рома закрывает глаза и опять кивает:

— Да, Наташа.

На виске Романа пульсирует синеватая венка, которая говорит мне, что он очень напряжен сейчас.

— Мне жаль, девочки.

Его голос вздрагивает хрипотцой, и он медленно выдыхает.

Ему стыдно? Крепко сжимает пальцы, переплетенные в замок между коленями. Костяшки белеют.

— И она родит мальчика? — тихо спрашивает Варя. — Да? Мальчика?

Я аж вздрагиваю от этого вопроса, потому что слышу в нем страх и отчаяние, ведь все всегда хотят мальчиков. Особенно папы.

Роман открывает глаза и смотрит на Варю прямо и твердо:

— Это еще что такое?

— Вы ведь хотели мальчика с мамой… — сглатывает Алинка. — А родились мы…

— Не припомню такого, чтобы я говорил подобное, девочки, — Роман не моргает. — Родились вы, и я был счастлив, — делает паузу и хмурится, — что это вообще за разговоры о мальчиках?

Он переводит темный и возмущенный взгляд на меня.

Он считает, что это я транслировала такую мысль девочкам?

Нет, вслух я ничего подобного не говорила, но да, во мне тоже сидит мысль, что мужчинам очень важны сыновья. Ведь они, по мнению многих, продолжают род.

Сколько сейчас в глазах Романа злости.

— Я вам не раз говорил, — он вновь смотрит на Алинку и Варю, — что вы мои дочери. Мои любимые девочки. Мои наследницы. И что никого дороже вас для меня нет.

— Но Наташа беременна, — шепчет Варя, моргает и по щеке катится слеза. — И родит мальчика…

— Я бы предпочел, чтобы она никого не рожала, Варюш, — голос у Романа, как натянутая струна.

— Может, ты бы предпочел с ней не спать?! — не выдерживаю я и говорю на повышенных тонах. — А? Тогда бы она никого и не родила!

Я замолкаю также резко, как начала.

— Да, логичное замечание, Лер, — отвечает Роман. — И не поспоришь.

Вновь воцаряется молчание.

Варя и Алина переглядываются и опять растерянно смотрят на Романа. Не верят. Мозгами они переработали слова, а душой не верят.

— У нас будет совместная опека, — после продолжительной паузы говорит Рома. — Повторяю, я все еще ваш папа, и я продолжу участвовать в вашей жизни.

— Ты разлюбил маму? — пищит Алинка и всхлипывает. — Разлюбил маму, да? Ты ее больше не любишь?

— Нет, не разлюбил. Все немного сложнее, девочки…

Варька вскакивает на ноги и швыряет маленькой диванной подушкой в Романа, который без труда ловит снаряд.

Кричит. Без слов, без ругани и оскорблений. Просто кричит, будто ей палец отрубили. Алинка сидит бледная и с круглыми глазами. Съеживается вся и зажмуривается.

— Варя, — я встаю и делаю шаг к дочери, — милая…

Еще несколько шагов, попытка обнять, но меня отталкивают. Алинка на диване прячет лицо в ладонях и дрожит.

Я могла все это предотвратить. Могла оставить дочерей в счастливом неведении. Сердце рвется.

— Варя! — Роман повышает голос.

— Пошел ты! Пошел ты! — верещит Варя и кидается прочь из гостиной.

Роман бросается за ней.

Алинка покачивается из стороны в сторону.

— Ты куда собралась?!

— Я не хочу тут быть! Пусти! Козлина! Ты мне больше не отец! Вали к своей Наташе! пусть она тебе лежачего инвалида родит!

— Милая, — присаживаюсь к Алинке, а она отворачивается, прижав ладони к лицу. Касаюсь ее волос. — Я рядом.

— Ты больше для меня никто! — в истерике кричит Варя. — Ненавижу тебя! Пусти! Не трогай меня! Нет! Отвали!

Глава 10. Предательница!

— Предательница, — шипит Варя на Алинку, которая сидит напротив нее за столом.

— Варь, хватит, — ставлю на стол керамическую пузатую кастрюлю с густой наваристой солянкой. — Не надо так говорить с сестрой.

— Но она предательница, — Варя щурится на Алинку, которая молчит в ответ на нападки старшей сестры.

— Хватит, Варя! — повышаю голос. — Хватит!

Отбрасываю полотенце и отворачиваюсь от стола, прижав пальцы к губам.

Алинка выбрала отца. И к нам с Варей приезжает в лучшем случае на пару дней в неделю. И когда она появляется, а потом покидает нас, то Варю рвет на части ревностью, обидой и злостью.

И она ее больше не называет младшую сестру по имени. Только предательницей.

Психолог разводит руками и говорит, что сейчас для девочек важно время для осознания происходящего.

Но я так боюсь, что мои дочери возненавидят друг друга и потеряют ту связь, которая была между ними, когда мама и папа были вместе.

Я ожидала того, что девочки вдвоем обидятся, вдвоем откажутся общаться некоторое время с отцом, но все получи-

лось иначе. Они отвернулись друг от друга, поссорились и теперь стали врагами, а я ничего не могу сделать.

И Роман тоже.

Он пытался Алине сказать, что ей стоит сейчас побыть со старшей сестрой, со мной, но она уперлась в своем решении уйти с отцом и все.

— Прости, мама, — тихо говорит Алина. — Варя не со зла.

У меня крылья носа вздрагивают, и глаза наливаются слезами. Прикусываю кончик языка.

— Пошла в жопу, — рычит Варя. — Мерзкая гадина…

— Варя! — взвизгиваю я в отчаянии и резко разворачиваюсь к ней. — Хватит! Она твоя сестра! Не надо говорить сейчас те слова, о которых ты потом пожалеешь! Слышишь?

— Не пожалею!

Алинка тяжело вздыхает, встает и подхватывает половник. Разливает солянку по мискам.

— Ты и папе с его шлюхой также супы разливаешь? М?

Два месяца ада.

Кто-то говорит, что после того, как мы получим свидетельство о разводе, станет легче. Девочки поймут, что мама и папа не шутки шутят, а действительно разошлись, и что нет смысла что-то друг другу доказывать.

— Я не буду есть с тобой за одним столом!

Варя встает. Ножки стула скрипят о плитку.

— Варя!

Выбегает из кухни, хлопает дверью.

— Я за тобой сейчас не побегу, Варя. С сестрой так нельзя! Слышишь? — выглядываю из кухни. — Она твой самый близкий человек!

— Больше нет! Не сестра она мне!

Очередной хлопок дверью, и я смотрю в пустоту. Меня потряхивает.

Я ожидала другого. Не того, что две сестры, которые липли друг к другу, как два магнита, вот так рассорятся.

И это, вероятно, моя вина.

Надо признать, что у Алинки в силу обстоятельств ее рождения и первого года жизни с Романом сложилась именно так связь, которая прощает все.

Я потеряла первый год ее жизни, и вот результат. Она будет с Ромой, потому что фраза “папина дочка” — это не шутка и не кокетство.

— Мам, давай кушать, — шепчет Алина, — а то остынет.

Я оглядываюсь и в материнском отчаянии говорю:

— Я люблю тебя, доченька.

— А я тебя, — слабо улыбается, — но… я буду с папой, мам.

Даже если мне сломают руки и ноги, сдерут кожу, пропустят через мясорубку, а после посыпят солью, то это не сравнится с тем, что испытываю я сейчас.

— Ты обижаешься, да?

— Нет, — катится слеза по щеке, — нет, милая, не обижа-

юсь. Мне просто очень грустно, понимаешь? Вы ссоритесь… Алина, Варя тоже хочет к папе. Она очень по нему скучает. По тебе скучает, но…

— Я знаю, — Алинка кивает. — Я тоже скучаю по Варе. Мам… — ее глаза блестят от слез. — Я не отказываюсь от вас.

— Я знаю, — киваю и торопливо смахиваю слезы с щек. — Прости… Я что-то расклеилась.

В тот день, когда Варя кричала Роману, что она его ненавидит, Алина молча, как в трансе, покачалась, не реагируя на меня, а затем встала и сказала, что поедет с папой. Будет с ним жить.

И в глазах отпечаталась отчаянная отрешенность. Она папина дочка, и за папой хоть в ад спустится.

— Ты, правда, не обижаешься?

— Нет, — сглатываю. — Он твой папа, Алина. И он хороший папа, и его есть за что любить, — поджимаю губы и выдыхаю. Небольшая пауза. — Конечно, я по тебе очень скучаю, Алина, и да, даже плачу, но ты уже можешь сама принимать решения, с кем тебе жить.

— Но я все равно тебя люблю, — Алина всхлипывает.

— Иди сюда, — протягиваю руку.

Обнимаю ее. Крепко-крепко. Прижимаюсь щекой к теплой макушке. Я могу давить на чувство вины и сыграть манипуляциями, чтобы вернуть младшую к себе под крыло, но я не стану. Я люблю ее и понимаю, почему она осталась с

отцом. Не из-за ненависти ко мне.

— Я тоже часто плачу, — сипит Алина. — Мам… А Варька теперь навсегда меня ненавидит?

— Ей надо время, — говорю дикую банальность, которая меня саму бесит. — И еще это отчасти подростковый бунт. Вот такой он, да, Алинка. Нам надо все это пережить.

— А ты по папе скучаешь?

Медленно выдыхаю. Хочу прикрикнуть на дочь, что не желаю говорить от ее отце, но сейчас, если что и излечит раны, то только правда:

— Скучаю, конечно, — закрываю глаза. — Но… Милая моя, вместе с этим мне очень больно. Так больно, что дышать забываю. Я знаю, что вы хотите, чтобы все было как раньше, чтобы мама и папа были вместе…

— Я знаю, что этого не будет, — поднимает ко мне лицо. — Мне тоже больно, мам. И я тоже злюсь на папу. Злюсь, но я буду с ним. Я так хочу.

Глава 11. Приедет?

— Я не хочу, чтобы она приходила.

Я так устала.

Я уже не чувствую той жгучей обиды и злости на Романа, и вымотал меня не он.

А моя старшая дочь, которая и не думает остывать в своем гневе на отца и младшую сестру.

— Она будет приходить, будет оставаться настолько, насколько захочет, — я складываю полотенце аккуратными прямоугольниками. — Она не перестала быть моей дочерью и твоей сестрой.

— Она предательница!

— Хватит! — рявкаю я и в бессилии смотрю на красную от злости Варьку. Крепко сжимаю желтое полотенце и ловлю на мысли, что хочу отхлестать им дочь, которая уничтожает меня своей ненавистью к Алине. — Я повторять не буду. Тебе уже тринадцать. Ты взрослая деваха и некоторые вещи должна понимать. Да, твой отец изменил мне, Варя, но ты сейчас мне не помогаешь, ясно?

— Терпила.

Говорит Варя и замолкает.

Обидеться?

Возмутиться?

Расплакаться?

А у меня нет сил.

Поэтому я просто моргаю и тихо спрашиваю:

— Терпила, потому что не отказываюсь от своей родной дочери? Так, Варя? Я тебя правильно поняла?

— Она ушла с ним!

— Это ее выбор, — поскрипываю зубами. — И этот выбор не значит того, что ей легко. Как и тебе! — повышаю голос. — Как и мне!

— Ты из-за нее не можешь больше рожать! И папа поэтому…

— Ах ты мелкая засранка!

Я все же пару раз Варьку бью полотенцем. Несильно, для порядка:

— Ты совсем охамела! Ты мне сколько будешь нервы трепать?! Я тебе сказала, что хватит? Сказала?

Еще раз полотенцем по плечам. Отталкивает меня и скалит зубы:

— Но это правда!

— Ни черта это неправда! Нельзя такое говорить! Нельзя! — срываюсь на крик. — Или тебе нравится мне мотать нервы? Обижать?!

— Я не хочу ее видеть! Это мой выбор! Откажись от нее!

— Совсем ополоумела, — откидываю полотенце на кровать и отворачиваюсь в сторону окна, за голубое небо разлилось. — Какая же ты дура, Варя.

Я чувствую, как ко мне подкрадывается та тень отчая-

ния, которая меня одиннадцать лет назад затянула в холодное липкое болото тоски, бессилия и желания закрыть глаза, заснуть и не проснуться.

Только вот рядом теперь нет Романа.

Мне страшно, а Варя не понимает, что своими жестокими подростковыми словами пинает меня.

— Ты сейчас должна быть моей поддержкой, Варя, — оглядываюсь, — а ты… говоришь гадости, закатываешь истерики, психуешь. Я знаю, почему ты это делаешь. Ты тоже хочешь к папе. Ты по нему скучаешь,.

— Нет! — верещит на меня. — Неправда.

— Признай это, — слабо улыбаюсь. — Прими. Ты меня этим не обидишь, понимаешь? Но обижаешь словами, что ты ненавидишь сестру, что она виновата в той страшной операции, что я терпила. Варь, милая, даже твой отец четко сказал, что проблема не в том, что я не могу больше иметь детей. Так что, не надо кидаться такими словами.

— Ты ее любишь больше чем меня…

— Ты хотела сказать, что папа любит ее больше чем тебя, да? — сглатываю.

И я права, потому что Варя бледнеет и в глазах вспыхивают слезы.

— Мне все равно, любит он меня или нет…

— Врешь, — сажусь на край кровати. — Ты его любишь и ревнуешь. И боишься того, что со временем папа забудет тебя, и ты злишься на Алину, что вот она будет рядом с ним.

— Нет…

— Я не думаю, что он забудет тебя, — я не отвожу взгляда. — Или разлюбит. Ты тоже его дочка, которой он сказки рассказывал, пел колыбельные, бежал на крики и засыпал с тобой в одной кровати вместе с Алинкой. С одной стороны, с другой Алинка.

Я должна освободить дочь от злобы на отца. Она отравит Варю. Она убьет Варю.

— А еще он и тебя тоже из бутылочки кормил, кстати, — улыбаюсь. — Ты и тогда умела ревновать. Как так? Алинку кормят из бутылочки, а тебя нет? Непорядок.

С грустью смеюсь.

По щекам Вари текут слезы.

Я могу закрутить ее в новом витке ненависти в отместку Роме, чтобы доказать какой он урод и что потерял пусть не двух дочерей, но одну точно.

Я могу взять ее в те союзницы, которая сгниет изнутри от отвращения, злости и презрения к отцу.

А что потом?

— А еще вы вдвоем устраивали соревнования, кто дальше плюнет кашей, а Алинка смеялась. Не знаю, помнишь ты это или нет. Вряд ли. Тебе трех не было.

— Помню… — сипит Варя.

— Было весело. Правда, это я потом поняла, не тогда. Тогда я мало, что понимала.

У Варьки вздрагивают плечи, и она с диким ревом опус-

кается на пол и прячет лицо в ладони. Я сползаю с кровати, притягиваю ее к себе и крепко обнимаю.

Плачет навзрыд.

— Я рядом, милая, — покачиваюсь из стороны в стороны. — Рядом.

— А он нет…

— Позвони, и он примчится, — шепчу я. — Приедет, Варюш. И Алинка тоже.

Новый вой в мою грудь.

Какое мне дело до моей обиды, когда моей дочери так больно?

— И он ждет твоего звонка…

— Я его с матами послала вчера, когда он приехал в школу и хотел забрать меня, — всхлипывает. — И Алинку. Алинку… Алинку… — заикается. — Толкнула, мам… Я ее толкнула… а она упала… И она мне ничего не сказала… ничего…

— Вы и раньше дрались, — шепчу я, а у самой сердце уже не просто в клочья, он в нити разорвано. — Дрались, но потом мирились. Помнишь? Мирись-мирись… Мизинчик к мизинчику…

— Она приедет, если я позвоню сейчас? — голос у Вари тонкий, надорванный, но в нем все же дрожит надежда. — Приедет?

Глава 12. Ты ошибаешься

Алина и Варька заперлись в комнате.

Конечно же, Алинка примчалась, когда Варька позвонила ей и шепотом попросила приехать. Зареванная, в красных пятнах на опухшем лицу и поникшая.

Привез ее Роман.

Это следовало ожидать.

И я впустила его, потому что крики “проваливай и тебя никто не звал” контрпродуктивны в борьбе за дочерей, которых мне надо опять связать тонкой ниточкой.

Крики на Романа все испортят.

Я не могу сейчас себе позволить трястиВарю своей обидой и гневом на ее отца. Мы должны сейчас вырулить из ситуации осторожно и тихо, как на горном серпантине, иначе дочери полетят в пропасть.

Как-то умалчивают о таких сложностях материнства. Не говорят о том, сколько сил требуется детной женщине в момент развода.

Свое орущее эго надо задвинуть в уголочек: не время обижаться и злиться на неверного мужа, который сейчас сидит за столом, скрестив руку, и молча смотрит на меня.

А я на него.

Спросить его, как там Наташа и ее животик? Она уже точно должна была округлиться. Странно, что эта сучка так и не

заявилась ко мне со слезами и словами о том, что я должна ее понять и простить. И давайте, Валерия, дружить.

Я думаю, что ей бы хватило наглости, но она не пришла.

Почему?

Рома запретил?

Я так-то не знаю, что у него сейчас в жизни происходит. К Алинке я с такими вопросами не лезу, потому что я ее жду домой не для допросов, а она сама ничего не говорит. Она, вообще, мало говорит теперь.

— Как у тебя дела?

Вопрос Романа выходит тихим и зловещим в тишине, что воцарилась на кухне. А еще этот вопрос глупый, поэтому с моих губ срывается смешок.

Прижимаю пальцы ко рту и не моргаю, глядя на Романа. У него на виске опять бьется венка.

И зрачки расширяются.

— Дела не ахти, — шепчу в пальцы, испугавшись, что Романа сейчас опять накроет, и он кинется меня душить, если я ему не отвечу. — Варя вся в раздрае.

— Я знаю.

Опять молчим.

Знает он.

И все?

— Я думаю, придется ее переводить в другую школу, — через несколько минут говорит Роман.

— Почему?

Я напрягаюсь. Я чего-то не знаю? Варька что-то скрывает от меня.

— Она говорила, что я приезжал к ней в школу?

— Да. Она сказала, что сорвалась на тебя… Накричала…

— При одноклассниках, Лер, — Рома хмурится, — кое-кто снял на видео ее истерику…

Меня прошибает потом.

Для Варьки это жопа. Глубокая жопень, как бы она выразилась.

— И они смеялись, и она убежала, — Рома вздыхает. — Конечно, я за ней водилу отправил, а сам остался с мелкими говнюками пообщаться.

— Пообщался?

— Пообщался, — кивает. — Видео удалили, извинились и разошлись, но… школу все же придется менять, Лер. Может, в открытую травить не станут, но насмешки…

— Господи, — накрываю лицо вспотевшей ладонью. — Бедная моя девочка.

— Вместе с ней и Алинку переведем, — тихо продолжает Роман, — да, они сейчас в ссоре…

Опускаю ладонь и в немом возмущении смотрю на него:

— В ссоре? Ром, это не ссора…

— Я понимаю, Лер.

— Нихрена ты не понимаешь.

И опять смотрим друг на друга в напряженном молчании, в котором много укора, гнева и разочарования.

— Это твоя вина, — сдавленно шепчу я.

— Да, — взгляд прямой и пронизывающий. — Я знаю, Лер, и я не думал, что Варя и Алина…

Вена на виске пульсирует чаще.

— Я не думал, что Алина уйдет со мной.

— Но ты рад, что она ушла с тобой и что она выбрала тебя? — усмехаюсь я. — Это, наверное, льстит.

— Нет, во мне сейчас нет радости, Лер, — глухо отвечает Роман. — И я тоже обеспокоен тем, что происходит между нашими дочерьми. И нет, Алине рядом со мной тоже нерадостно, но другой выбор она не могла сделать. Уверен, что ты в своих домыслах, почему она так сделала, ошибаешься.

— О, ну так поясни, что происходит? — насмешливо вскидываю бровь. — Папаша года.

Глава 13. Пусть это станет твоим искуплением

— Папаша года? — Роман усмехается. — Лер, давай ты свой сарказм снизишь, м?

Я аж задыхаюсь от его ответа и буквально выпучиваюсь на него.

Вот это наглость.

— Стоп, — у меня голос вздрагивает яростью, — ты ждешь, что я буду с тобой заискивать? Или что? Может, мне тебя в жопу поцеловать за то, что ты трахался на стороне.

— Тон сбавь, — цедит сквозь крепко-сжатые зубы. — Мы с тобой пришли к тому, что разговора у нас не получится, поэтому давай-ка учиться вести беседу с нейтральной позиции. Да, больно и обидно, Лера, но иди и обсуждай это с психологом. Или с подружками.

Охренеть.

Вот это мой муж, который в свое время вытирал мне слезы, целовал глаза и прижимал к себе со словами, что все будет хорошо? Что я его сокровище?

— Что происходит? — Я все же решаюсь задать этот вопрос. — Что с тобой? Почему ты сейчас такой?

Он меня разлюбил? Нелюбовь она ближе к равнодушию, а тут, я бы сказала, расцвела ненависть ко мне.

Презрительная ненависть, будто это я изменила, залетела от другого мужика и разрушила семью.

— Ты о чем конкретно, Лер? — Роман изгибает бровь. — Уточни, будь добра.

— Я про твое отношение… — чувствую себя неловко под тяжелым и прямым взором Романа. — Про то, как ты со мной говоришь…

Раньше взгляд Романа согревал, а сейчас я его страшусь.

— Мы почти в разводе, Лер, — Роман пожимает плечами. — Скоро ты перестанешь быть мне женой, а с бывшей женой я буду стараться говорить нейтрально и потребую того же от тебя. Эмоции только помешают нам выстраивать отношения в рамках того, что мы теперь связаны только дочками. Я бы был готов к твоим истерикам, крикам, скандалам, пусть частым и на протяжении долгих лет, но при условии того, что остаемся вместе.

— Смешно, — я могу ответить только это.

— Смешно? А что ты не смеешься?

Меня начинает буквально трясти от Романа. Обратился из заботливого мужа, который мог терпеть мои многие закидоны, в циничное чудовище.

— То есть… Если больше не жена, то можно со мной как с дерьмом говорить?

— Я лишь попросил тебя сменить тон, — Роман поправляет галстук, устало глядя на меня. — Я повторяю, Лера, если ты не со мной и если я не вижу того, что мы будем вме-

сте, то я от твоих истерик завожусь, — не моргает. — Как, блять, мне, — понижает голос, — еще тебе объяснить, чтобы ты перестала меня провоцировать на глупости? Я тебе прямо говорю, я слетаю с катушек, Лера.

— Так, может, тебе стоило остаться в машине и там дождаться Алинку?

— А, может, ты перестанешь указывать, что мне делать?

Смотрю в сторону и замолкаю.

Так-то он прав. Мне надо избавиться от эмоций, которые лезут из меня ехидством, отвращением и кривыми ухмылками.

Я хочу укусить романа побольнее, но он не позволит мне этого сделать. Да и смысла в этом никакого нет.

— Алина пытается проконтролировать ситуацию, — вздыхает Роман. — Это же и так понятно, Лер. Проконтролировать меня из-за страха, что я забуду о ней. Что со временем она станет мне не нужна.

Я хмурюсь. Как же Алинке сейчас страшно.

— А ты мама, Лер, — продолжает Роман. — Ты никуда не денешься. Тебя не надо контролировать и быть постоянно на виду, чтобы ты любила. Чтобы ты заботилась и чтобы в этой заботе не забыла, что у тебя есть дочь. А у тебя, наверное, мысли о том, кто кого любит больше?

Перевожу взгляд на Романа:

— Нет. У меня мысли о том, что я пропустила ее важный первый год, Рома, — отвечаю честно. — Что та связь, ко-

торая должна была быть у нее со мной, окрепла с тобой. И неважно, что ты сделаешь. Она всегда будет рядом.

— Если ты права, то эта связь у тебя с Варей.

— И это уничтожает наших дочерей, — в отчаянии шепчу я. — Они должны быть вместе, а иначе они потеряют друг друга, Рома. Оставь Алину со мной. Поступи жестко и даже жестоко, Ром. Брось ее, откажись.

Он же должен проникнуться моими словами. Он же должен понимать, что надо спасать наших девочек и что теперь он не имеет права называться их отцом.

— Ром, я тебя очень прошу. Пусть это станет твоим искуплением.

Глава 14. Поговорили?

— Что, прости? — Роман приподнимает бровь выше. — Искупление через предательство дочерей?

— Ты уже их предал.

— Ладно, — усмехается, — через повторное предательство? Ты предлагаешь мне ударить их во второй раз? Так, что ли?

— У тебя будет новый…

— Но Варя и Алина не перестали быть моими дочерьми, — Роман недобро прищуривается. Меня передергивает от его взгляда. — Чего ты ждешь? Того, что я реально откажусь от девочек? — с тихой угрозой смеется. — Прелесть, Лер. Ты бы от них отказалась?

— Это другое…

— Я не согласен.

И замолкает.

А я ждала, что он мне в порыве гнева кинет, что отвратительная мать. Что в свое время могла потерять с концами двух дочерей и что не мне сейчас выеживаться, когда я упустила важное и трепетное время у дочек.

И как я его упустила.

Я отказывалась брать Алинку на руки, кормить ее, отворачивалась от нее и замирала в позе эмбриона.

Я отказывалась от маленькой беззащитной крошки, кото-

рая кричала и просила маму. Нет, я не винила ее в той операции. У меня просто ни к чему не было интереса. Я была мертвой.

Сейчас, оглядываясь назад, мне плохо, но Роман не припоминает мне тот год, когда он спал в сутки лишь по несколько часов, ведь он умудрялся еще и дело свое не бросать.

— Я бы поняла, если бы ты тогда… — глотка будто опухает. Говорит сложно. Слова выходят из меня колючими горячими камешками. — Тогда… после рождения Алинки…

Роман вздыхает:

— Я не буду с тобой это обсуждать. Это бессмысленно, Лер, — его глаза темнеют и становятся глубже. — Поговорить об этом хочешь? Так тебя распирает?

— Да, — честно и с вызовом отвечаю я, — распирает. И я имею полное право

Рома молчит и не моргает, намекая, что не будет поддерживать диалог в таком ключе.

— Ты отказываешь мне в разговоре, эмоциях…

— А еще я отказываюсь бросать дочерей. Какой я подлец и мерзавец, — с высокомерием усмехается. — Исчезать из их жизни. Совсем совести у меня нет, Лер, да. Давай так, я просто соглашусь со всеми твоими громкими эпитетами и оскорблениям.

— Ты не чувствуешь вины…

— Да откуда тебе знать, что я чувствую?

— Так скажи?

— Не вижу теперь смысла, — пожимает плечами и вновь замирает в напряжении. — Я с тобой согласен, что ничего не исправить между нами, а просто лясы точить… не в моем характере, Лер. Мы же приняли решение разойтись.

Сейчас уже я готова накинуться на Романа с планами задушить его. Меня охватывает такая ярость, что мне приходится вцепиться в спинку стула, чтобы сдержать себя.

Будь у меня сейчас нож, то я бы как минимум воткнула бы его в ладонь Романа, который просрал нашу семью и не чувствует за собой вины.

А если и чувствует, то не так, как я бы хотела. Я хочу от него стертых до крови коленей, слез и криков с мольбой простить его.

Но он прав.

Он не тот мужчина, который поступит так. Характер не тот.

Он принял свою ошибку и не станет ее обмусоливать. И если я решила развестись, то он согласен, что я имею право так поступить.

Сорвался, правда, в первый момент, но это логично. Он потерял контроль над семьей, надо мной и девочками.

На кухню заглядывает настороженная Алинка. Смотрит на Романа, потом на меня и на цыпочках прокрадывается ко мне, чтобы обнять. Вздыхает, когда я обнимаю ее в ответ. Взгляда от Романа не отвожу.

— Поговорили? — спрашивает он.

— Да, — едва слышно отвечает Алинка. — Даже не кричали

— Пойду и я поговорю, — Роман встает, бесшумно отодвигая стул.

Я дергаюсь в желании остановить его. Опять провоцирует Варю на истерику, но Алина находит мою руку и крепко сжимает. Без слов говорит мне, что я не должна сейчас бросаться на отца.

— Я заварю нам лапши? — отстраняется и смотрит на меня. — Я проголодалась. Ты будешь?

— У меня нет лапши, — растерянно шепчу я. —

— Я взяла с собой, — Алинка улыбается и отступает. — В рюкзак несколько пачек закинула. Сейчас принесу. Острую взяла. Очень острую.

Глава 15. Папа ищет новое гнездо

— Мам, — Алинка оглядывается. — Пошла подслушивать?

Я у двери кухни тоже оглядываюсь, как пойманный на горячем воришка. Конечно, я хочу знать, о чем будет Рома беседовать с моей старшей дочерью.

Возможно, мне надо сейчас остаться с Алинкой, которая решила заварить острой лапши, и просто побыть с ней, но…

А вдруг Роман сейчас на свою сторону перетянет и Варьку. И что тогда? Я останусь совсем одна?

И такой исход вполне реален.

— Аль, вы с Варей о чем говорили?

Получится ли у младшей вытянуть подробности?

— О том, что я вас люблю, но и папу тоже, — переводит взгляд на электрический чайник, — что я не хочу с Варей ругаться… — хмурится. — И что я тоже злюсь, пусть и не кричу. Зачем кричать, — сжимает кулаки и через секунду разжимает. — Это разве как-то поможет? — вновь смотрит на меня. — Но Варя всегда же была громкой, да? Мы просто разные.

Опускает взгляд:

— И она плакала.

Тянется к пачкам лапши, отворачивается и вскрывает шуршащие упаковки:

— И…

— Что? — сердце в груди пульсирует черной точкой печали и безнадеги.

— Сказала, что хочет сбежать из дома, — голос Алинки становится тише. — Ото всех. Я попросила не сбегать. Потому что это тоже не поможет…

Пожимает хрупкими плечами и кладет брикет сухой лапши в глубокую красную миску:

— Но я все равно буду с папой.

— Алина…

Выдыхаю я черное и липкое отчаяние.

— Либо мы по очереди у папы, — голос становится тверже, и она решительно вскрывает вторую пачку лапши. — Вот так.

— Алина, взрослого мужчину не проконтролируешь, — начинаю я аккуратно, — и он не бросает вас, не забывает…

А хочу я сказать совсем другое.

Хочу начать криками обвинять Романа в том, что он не тот папа, за которого надо так бороться и которого стоит любить. Хочу заявить, что он предал не только меня, но и всю нашу семью и что такое не прощают.

И еще бы я надавила на чувство вины и сказала, что дочери должны быть на стороне матери в такой ситуации, но это уже дикий вопль эгоизма.

— Варя сказала, что не хочет так, — кладет второй брикет в чашку. — Что хочет, чтобы все было по-старому. И что

хочет все-все это забыть, — вздыхает. — Я тоже так хочу.

Опять в голове звенит тревожный колокольчик, что я поступила неправильно, когда потребовала от Романа честности и развода.

Закрываю глаза и мотаю головой, как умалишенная, прогоняя эту глупую мысль.

— Папа говорит, что тебя любит, — оборачивается.

И в глазах Алинки вижу тусклые искорки надежды.

— Я так не думаю, милая, — качаю головой. — Давай не будем об этом, и я попрошу папу, чтобы он не говорил таких глупостей тебе.

Хмурится.

— Мы не останемся врагами, Алинка, — голос мой все же дрожит. — Нас многое связывает, и мы любили. И у нас есть вы. Нам придется выстраивать отношения между собой, но совсем иные.

— Папа это тоже говорил.

— А Наташечка что на это сказала?

Все-таки из меня вылетает тихое и клокочущее ехидство. Я же не железный человек, в самом деле. Не робот без чувств и ревности.

— Я не знаю, что у папы с Наташей, мам, — глаза Алины тускнеют. — И я не спрашиваю, но…

— Но что?

— Он уже ищет новую квартиру, чтобы обустроить детскую, — отворачивается. — Мы скоро опять переезжаем.

— Новая квартира? — волна крупной дрожи и потливости.

— Мы же сейчас на съемной. И пока мне ни одна квартира не понравилась, — высыпает приправы в миску. Чайник закипает, и из носика валит шустой пар. — Может, Варя присоединиться?

У меня аж в глазах темнеет.

Происходит то, что должно происходить. Роман ищет, где ему устроить новое гнездо. Он не любит съемные стены. Среди них не почувствовать себя дома.

— Но папа еще рассматривает вариант, что не квартиру возьмет, а дом, — выкидывает пустые упаковки под раковину. — Ты злишься, да, мам?

Глава 16. Всегда люблю

— Я не брошу маму.

У меня сердце сжимается в черную точку от тихого и безжизненного голоса Варьки за дверью.

— Варь, да не прошу я никого бросать, — тихо и мрачно отвечает ей Роман. — И против воли я тебя никуда не тащу.

А я вот прекрасно понимаю, почему Варя так сказала. Она хочет быть с отцом, но чувство вины ее сожрет, если она, как и Алина, выберет отца.

Она не сможет даже на несколько дней поехать к нему в гости.

— Я ведь сказал лишь то, что не хочу тебя терять, Варя. Я тебя люблю.

— Хватит.

— Я понимаю, ты злишься…

— Правда? — Варька повышает голоса. — Понимаешь? И что ты понимаешь?! А?!

Я сползаю по стеночке на пол у закрытой двери.

— Я всегда буду ждать тебя, — голос у Романа ровный, спокойный и уверенный, — всегда буду рад тебе.

— Ненавижу тебя…

— Это неправда, Варя, — вздыхает Роман, — но тебе больно и обидно.

Смотрю на потолок. А могло ведь не быть больно и обид-

но. Да, у наших дочерей сердца в клочья, и кто в этом виноват?

— Ты предатель.

Я жду, что Рома и сейчас вспылит, как со мной при моих обвинениях, и потребует Варю сменить тон, но этого не происходит.

— Да, Варь. Выходит, что так.

Я ежусь от голоса Романа. Тихий, безжизненный и честный.

— Я никогда тебя не прощу, — продолжает шипеть Варя угрозы отцу. — Никогда. Я не Алина.

— Но это не значит того, что я исчезну из твоей жизни, Варя, — отвечает Роман. — И я не за тем буду искать с тобой встреч, чтобы ты меня простила.

— А зачем тогда?

— За тем, что ты знала, что ты моя дочь. Что ты всегда будешь моей дочерью.

Молчание. И Вытираю слезы дрожащей ладонью.

Я знаю, что он добьется того, что Варя подпустит его ближе. Она его любит, и ее жизнь без отца будет блеклой для нее.

Конечно, он поступает сейчас правильно, что пытается донести до Вари, что всегда будет ее ждать и любить, но как же это усложняет жизнь мне.

Честное слово, лучше был бы пропащим алкоголиком, который однажды свалил бы на попойку и не вернулся.

— Почему? — голос Вари вздрагивает слезами. — Почему, папа?

Ко мне на носочках крадется Алинка. Держит в руках миску, обмотанную полотенцем. Подходит и молча протягивает миску с лапшой.

Я ее безропотно принимаю. Вытаскивает из кармана вилку и также без слов вручает мне. Слабо улыбается, пытаясь, наверное, приободрить.

Разворачивается и уходит.

Я ничего не смогу сделать, чтобы Алинка осталась со мной. Чтобы она выбрала меня и не ездила выбирать новое гнездышко с папой.

Я чувствую свое бессилие.

Самое мерзкое и отвратительное чувство.

Лучше обижаться, злиться, ненавидеть, но не осознавать женское бессилие, которое требует лишь смирение с ситуацией.

— Почему? — тихо, но твердо повторяет Варя. — Почему ты изменял маме?

Я хочу видеть сейчас лицо Романа, но остается только фантазировать. Могу предположить, что у него опять надулась венка на виске и что играют желваки на щеках, а темный взгляд устремлен перед собой.

Вряд ли он усмехается Варе. Он ведь не хочет потерять дочерей, и ему надо быть аккуратным в проявлении эмоций и в словах.

— Я скажу лишь то, что в этом нет ни твоей вины, ни Алины, — отвечает Роман.

Он бы в любом случае не смог ответить честно на вопрос Вари, потому что ему бы пришлось поделиться грязью, которая бы отпечаталась в душе дочери.

Мужская измена — она о грязи, и тринадцатилетней девочке не надо знать того, что папа мог искать на стороне каких-либо извращений или экспериментов с другой женщиной.

— Ты разлюбил маму, да? Поэтому?

— Я ее люблю, Варь, — мне приходится напрячься, чтобы разобрать ответ Романа. — Но… Видимо, как-то не так, как любил раньше.

— Я не понимаю, пап.

— Я тоже, Варя, — вздыхает Роман.

Молчание. Оно затягивается на несколько минут, и затем следует шепот Вари:

— Уходи. Хочу побыть одна.

И нет уже ненависти в голосе.

— Я тебя понял, милая. Я всегда на связи, слышишь? Всегда приеду, всегда жду, всегда люблю.

Глава 17. Ты и так задержался

Я не подрываюсь с места, не вскакиваю и не бегу. Пусть Рома знает, что я подслушивала. И мне не стыдно.

Да, я хочу быть в курсе, о чем он ведет речи с Варей. Это мое материнское право.

Щёлкает замок, едва слышно скрипят дверные петли, и поднимаю взгляд на Романа, который выходит из комнаты Вари.

Секунда, и на его бледном лице вновь маска безразличия, но я все же успеваю заметить кривую гримасу боли.

Если он останется у Вари во врагах, то эта ненависть будет поджирать его душу сожалением. Но только перед дочерьми.

Я в его измене занимаю одну позицию, а дочери — другую. Он принял, что я стану для него чужой, а вот с дочерьми его связывает еще и кровь.

Смотрит на меня, разворачивается и шагает по коридору прочь. А я в шоке наматываю лапшу на вилку, глядя в его прямую спину.

Он исчезает из вида, а я отправляю вилку с лапшой в рот.

Остро. Почему моя младшенькя так любит эту отраву? Другие дети упрашивают конеты купить, а наша тащится по лапше, которая заваривается кипятком.

Так остро, будто рот разъедает, но я отстраненно жую лапшу и глотаю. Выдыхаю. Я должна принять тот момент, что

Роман и я действительно разводимся из-за его измен. И что у него будет ребенок. И что наша семья разрушена.

Больно, обидно и очень досадно, но я не могу себе позволить сейчас расклеиться. Мне нельзя.

Ни в коем случае.

Иначе все точно пойдет все по одному месту. Покатится в пропасть.

— Ты подслушивала? — из комнаты выглядывает Варя и хмурится. — Мам…

— Да, подслушивала, — честно отвечаю я и облизываю губы, которые огнем горят. — Я знаю, что это плохо.

— Да пофиг, — кривится и захлопывает дверь.

Стена под спиной дрожит.

Щелчок, и скрипят дверные петли. Тяжелый вздох Вари:

— Я случайно.

— Ладно, — наматываю новую порцию лапши на вилку. — Варь…

— Что?

— Я не буду против, если ты захочешь видеться с папой… Приезжать к нему с ночевками, — шмыгаю, потому что от остроты у меня и слезы уже текут, — я не буду обижаться. Не буду ругаться. Я знаю, что ты его любишь и скучаешь.

— Алинка предлагает по очереди у него жить, — Варька фыркает.

— И что ты думаешь?

Материнство - это про мудрость и про то, что детям мы

должны давать возможность выбора и право на обдумывание своего личного решения, как быть в непростой ситуации.

Однажды Варя думала, какую куклу взять на выбор, а теперь должна понять свои чувства к отцу, ко мне и поразмышлять, чего она действительно хочет.

— Я не знаю, — раздраженно отвечает Варя. — Они меня оба бесят.

Перевожу на нее взгляд.

Ей бы было легче, если бы я взяла ее в союзники против отца, но в перспективе эта тактика аукнется для моей дочери сожалениями и, возможно, ненавистью ко всем мужчинам.

— Я с тобой буду, — насупленно фыркает и скрывается

— Хорошо, — киваю я и повышаю голос, чтобы она услышала меня за закрытой дверью, — но знай, ты всегда можешь поменять решение, Варь.

— Да поняла я! И не сторожи меня под дверью, блин! Это странно, мам! И жутко! даже папа так не делает, блин!

— Я об одном попрошу, Варя, — неуклюже встаю и делаю глоток бульона из миски, чтобы растворить адской остротой ком слез, что подступили к глотке, — не сравнивай меня с папой.

Молчит. Вздыхает и блекло отвечает:

— Не буду.

— Спасибо.

Шагаю по коридору, заворачиваю и сталкиваюсь с Романом, на которого выплескиваю бульон с лапшой. На его пи-

джак и белую рубашку.

— Блять! — рявкает он от неожиданности и резко отступает. — Черт! — пытается оттянуть рубашку. Наверное, ему горячу.

Часть бульона попадает и на брюки, завитки лапши шмякают на носки.

Поднимает на меня взгляд, а я обхожу его сторонкой, стискивая миску, и продолжаю путь.

— Алина сегодня останется у тебя, — сдавленно говорит он.

— Хорошо, — стараюсь быть в своем ответе равнодушной и отстраненной, — тогда ты можешь уж идти, Роман. Прости, но я не предложу тебе помощь с твоей одеждой.

— Да она мне и не нужна.

— Вот и хорошо. Ты и так задержался.

Глава 18. Держись, Лера

Нашу большую квартиру на Таганке, машину и дачу Роман оставил мне. Конечно, как гордая и независимая, я могла от всего отказаться, но это бессмысленная и беспощадная тактика, которая ничего никому не докажет.

К квартире, даче и машине мой бывший муж определил для меня с Варькой хорошие алименты, пусть мы и оформили совместную опеку над девочками. Очень серьезные алименты, которые покроют не только расходы на Варю с ее репетиторами, кружками, но и мне позволят вообще не задумываться о деньгах.

Многие бы сказали, что я хорошо устроилась. И что не все мужики после разводов оставляют дорогие машины, элитную недвижимость и содержит от и до.

Моя мама вообще сказала, что я так легко и без сомнений решилась на развод лишь потому, что знала, что Роман не оставит меня на паперти. Что он не будет делить ложки и что он не тот мужчина, который изведет женщину и оставит ее без ничего.

И мне, наверное, стоит с ней согласиться.

У меня не было и мысли о том, что Роман может устроить со мной материальные споры или начнет угрожать, что оставить без трусов.

Но от того, что я осталась с квартирой, дачей, машиной и

на содержании, мне почему-то не легче.

Да лучше бы он был типичным жадным мудаком, который забрал из дома даже люстру при разводе.

Потому что тогда моя растерянность и обида переросла в ненависть к бесстыдному уроду-жмоту. Я бы встала на тропу войны, и злость бы на бывшего меня спасла, а так… Так Роман поступил, как должен поступать мужчина, который осознает ответственность за детей и за бывшую жену при разводе в вопросе материального обеспечения.

— Зажралась ты, — в ушах стоит голос мамы. — Теперь он будет содержать тебя и после развода. Вот это ужас.. И что ты тут разыгрываешь из себя всю бедную и несчастную? Твои школьные подруги одни тащат детей, мужей, а ты сидишь и охаешь, какой Рома мудак? Наверное, выходишь в свою оранжерею и в шелках рыдаешь, да?

— Ты мне завидуешь, что ли? Он меня без дочери оставил!

— Да хоть у кого-то мозги работают! Да и что с тобой рядом сидеть, Лера? Ты же малахольная!

Наверное, мама мне завидует. Мой отец никогда не зарабатывал много, никогда не отличался большими амбициями, и мама была вынуждена работать наравне с ним. И даже зарабатывала больше него.

Но мой отец не изменял.

Потому что было лень? Потому что полежать на диване для него было куда приятнее, чем тратить энергию на потра-

хушки с левыми женщинами?

— Моя мама сегодня, наверное, с горя напьется, — прячу свидетельство о расторжении брака в сумку.

— Мне насрать на твою маму, — Роман ослабляет галстук, — теперь уже официально, — разворачивается ко мне, — одна радость. Теперь мне надо терпеть эту грымзу из-за того, что она твоя мамуля. Нахуй твою маму, Лера, — обнажает зуб в оскале. — Даже не верится, что теперь я могу в пешее эротическое послать все ее вечные просьбы каждое, блять, лето ремонтировать то ее квартиру, то ее дачу.

— А она так тебя защищает, — хмыкаю я. — Ты для нее идеальный зять. И ведь она поддержала твою идею, что я могла проглотить твои измены…

— Мне пора, — Роман обрывает моя гневную речь и спускается по лестнице, одернув полы пиджака. — Поговори о своей маме о том, как она любила бывшего зятя, с психологом.

Я открываю рот, чтоб рявкнуть в его прямую спину, что он козел, но понимаю, что это глупо.

Он же сказал, что не будет со мной вести разговоры о том, какой он моральный урод, и мне надо это принять.

Наблюдаю за тем, как он размашистой походкой направляется к парковке, и глотку распирает ком слез.

Он мне больше не муж.

Нас развели.

И это не шутка.

Это не сон.

Это реальность.

Мы развелись.

Роман сворачивает к своей машине, оттягивает рукав пиджака и смотрит на наручные часы, а после исчезает в салоне авто.

Мы теперь — бывшие муж и жена.

Спускаюсь на одну ступень. Я выдержу. Я смогу без него. Я сейчас не осяду на ступеньку и не разрыдаюсь. Если я себе это позволю, то уйду на дно.

А Романа рядом не будет. Он меня не вытянет.

— Лера, — обращаюсь к себе шепотом, — держись, милая.

Глава 19. Без папы не будет хорошо

Варя насупленно смотрит на свидетельство о расторжении брака. Часы на стене зловеще тикают.

Тик-так.

Тик-так.

За окном тоскливо и пасмурно.

А когда мы с Романом официально вступили в брак, то было солнечно. Ни одного облачка на небе, а сейчас оно затянуто тяжелыми серыми тучами, которые никак не выпустят из себя дождь.

Варя касается указательным пальцем уголка свидетельства, хмурится, а после одергивает руку и молча встает.

Отворачивается от меня, но не уходит.

Сжимает кулаки и медленно вдыхает.

Наверное, и она не верила в то, что мама и папа действительно разведутся. Подростковая надежда ярче и упрямее взрослой.

— Варя, — вздыхаю я.

Мне бы встать, подойти и обнять дочку, но у меня нет сил. Меня будто придавила бетонная плита. Я вообще хочу сейчас лечь у стола, лежать и наблюдать за секундной стрелкой.

Тик-так.

— Варя, все будет хорошо.

— Не будет, — обреченно шепчет она и сжимает кулаки

крепче. Аж вздрагивает. — Без папы не будет…

Закрываю глаза.

Вышла бы я за Романа, зная, что меня ждет в браке с ним через пятнадцать лет?

Я бы, наверное, совсем не вышла бы замуж. Родила бы для себя от случайного мужчины и тихо-мирно жила бы.

— Варя, — открываю глаза и смотрю в поникший затылок дочери. — Я, конечно, могла принять решение твоего папы надеть накладной живот, сделать вид, что это ваш братик, придумала бы небылицы, в которые бы вы и все другие поверили…

Варя оглядывается, и я по ее глазам вижу, что я зря была с ней честной. Она бы предпочла ложь и иллюзию того, что в нашей семье все хорошо и что будет внезапное пополнение.

И я понимаю ее, потому что сейчас я сама не хочу сидеть за столом, на котором лежит свидетельство о расторжении брака.

Но это есть цена честности и правды.

— Накладной живот? — едва слышно повторяет Варя.

— Да.

— Папа не хотел развода?

Выдерживаю секунду молчания. Какова вероятность того, что в груди Вари сейчас прорастает росток разочарования во мне, как в матери, которая могла спасти ее мир.

— Нет, не хотел, — честно отвечаю я, — но такое предложение, Варь, меня оскорбило, как жену. Как женщину. Как

мать. Это его ребенок. И это последствие его ошибки.

Слабо звучат мои оправдания.

Варя могла бы меня понять, будь постарше и будь у нее опыт в отношениях. Сейчас она смотрит на меня с позиции испуганной девочки, которая лишилась отца и младшей сестры, с которой она была очень близка.

После моей исповеди она теперь знает, что я могла предотвратить трагедию ее подростковой жизни. Сыграй я в игру Романа, то Алинка бы была рядом, и они бы даже не подозревали о том, что на самом деле происходит.

— Представь, что мальчик, который тебе нравится…

— Мне никто не нравится, — тихо отвечает Варя и не отводит от меня укоризненного взгляда.

— Ладно, — прячу свидетельство о расторжении брака в папку, — давай попробуем иначе. Представь, что твоя подруга Лена…

— Я с ней больше не дружу.

— Дослушай меня! — повышаю голос. — Не перебивай. Представь, что твоя подруга Лена втайне от тебя пошла гулять с другими девочками! С теми девочками, с которыми у тебя вражда. Лена хорошо погуляла, но наступила в собачье говно! И приходит к тебе и говорит: Варь, мы же такие хорошие подруги. Помой мои туфли о собачьего говна!

Я резко замолкаю, потому что так громко кричу, что сводит голосовые связки. В горле начинает першить.

Я все-таки сорвалась.

Варя молчит.

— Прости, я не должна была так кричать, — прижимаю холодную ладонь ко лбу. — Варюш, мне сейчас сложно, а ты ведь уже девочка взрослая.

— Я хочу сегодня к папе, — голос у Вари бесцветный, — и Алинке.

— Что? — сипло спрашиваю я. Мне словно дали резкую и пощечину. Замираю. — Зачем?

Вот и вторая дочь решила сбежать от истеричной матери?

— Ты же говорила, что я могу видеться с папой, — бесцветно шепчет Варя. — Приезжать в гости. Ночевать. И даже жить.

Глава 20. Это твоя ошибка

Наблюдаю на крыльце, как Роман пытается забрать у Вари сумку с вещами. Она дергается от него в сторону, затем следует долгий зрительный контакт, после которого Варя все же отдает сумку отцу.

Почти швыряет.

Тот вздыхает и торопливо обходит машину. Перед тем как открыть багажник, он задерживает на мне острый и внимательный взгляд.

Это взгляд не о тоске или сожалении. Он вообще не об эмоциях.

Это изучающий и сканирующий взгляд.

Роман сейчас оценивает, насколько я в себе. Ему пришлось со мной научиться выискивать и замечать во мне тень, которая может меня сожрать.

Я поэтому и вышла, чтобы показать ему, что я держусь. Если бы я поступила, как мне хотелось, а именно вытурить Варю из квартиры, а самой запереться в комнате, то думаю для Романа это стало звоночком.

В прошлый раз я тонуть начала именно с момента, когда молча заперлась в комнате, и Роману пришлось выломать дверь.

Со мной в порядке, милый.

Насколько это возможно для женщины после развода.

Варя прячется в салоне машины.

Роман ведь мог прислать за ней водителя. Хотя нет. Не мог. Сейчас ему важно показать, что он сорвется в любой момент и самолично прикатит за любимой доченькой.

Я должна отпустить дочерей без обид и ревности. И без обвинений, что они бросили меня и что они меня не любят.

Я — мама. Меня нельзя бросить, и я у них всегда буду. Даже тогда, когда они делают выбор не в мою пользу и когда делают больно.

Я буду всегда.

А вот с папой у них большие сомнения. Надрывная привязанность требует с их стороны контроля за отцом, которого можно потерять, ведь там на стороне будет третий ребенок.

Варя и Алина боятся, что ребенок от Наташи заменит их, если они его оттолкнут. Папа уйдет с головой в заботы о братике или сестричке, и ему будет не до истеричных старших дочерей.

Ими движет страх.

Я должна это понять и принять, а не уходить в обвинения, ревность и злость, но как это тяжело.

Роман прерывает наш зрительный контакт и закидывает в багажник сумку Вари, но не торопится захлопывать багажник.

Я могу сейчас уйти?

Я же передала Варю ему в руки и показала себя, что все еще стою на ногах и функционирую.

Ну да, бледная. Да, глаза опухшие от слез, но под одеялом не спряталась и не отключилась от реальности.

Я проживаю развод.

Проживаю все эмоции, и не отказываюсь от них.

Разворачиваюсь и шагаю к входной двери подъезда. Не думаю, что надо с Романом словами прощаться.

Может, чуть позже я смогу держаться отстраненной вежливости, но не сейчас.

Прикладываю магнитный ключ к панели домофона, раздается писк, и я тяну дверь за холодную ручку.

— Мама, блин! — лети в спину возмущенный голос Алинки. — А меня подождать?

Я недоуменно оглядываюсь.

Из машины выглядывает Алина:

— Дай минуту!

И опять прячется в машину.

Роман привез Алину? Перевожу на него взгляд, а он вытаскивает из багажника желтый рюкзак Алинки и какую-то коробку в белом полупрозрачном пакете.

И шагает к крыльцу.

Рожа — невозмутимая.

— Ты Алину привез? — спрашиваю я, когда он подходит к ступеням.

— Как видишь, — поднимается на несколько ступенек. Смотрит на меня и хмыкает. — Одна радость. Поделки из листочков, палочек, шишек и всякого другого дерьма на те-

бе.

Вот он уже на крыльце. Протягивает рюкзак, а я, как бы сказала Варя, жестко туплю. Я не ждала Алинку.

— Или мне самому занести? — предлагает Роман и немного прищуривается.

— Нет, — я нервно и несдержанно выхватываю рюкзак, и наши ладони все же соприкасаются мизинцами.

И на моей коже будто остается ожог.

— Я сама занесу, — закидываю рюкзак на одно плечо. Тяжелый. — Что в коробке?

— Листочки, веточки и несколько жутких ежей из шишек и пластилина, — протягивает пакет с коробкой. — И, пожалуйста, Лер, никакой острой лапши. Алинка уже на этой неделе ее ела. У нас с ней уговор — раз в неделю.

— Почему она с тобой не осталась?

— По-моему и так все ясно, Лер, — в голосе Романа проскальзывает холодная и острая сталь. — Теперь так и будет. Одна у меня, вторая у тебя.

Я аккуратно забираю пакет с коробкой у Романа, который оправляет рукава пиджака, вглядываясь в мои глаза:

— Слушай, я тогда на этой неделе попытаюсь Варе показать новую школу. Алинка согласна перевестись. Ты с Варей говорила по этому поводу?

— Нет, — честно и немного раздраженно отвечаю я. — Ты думаешь, школа ее проблема?

— Я тебя понял, — разворачивается, вновь безапелляци-

онно обрывая мои возмущения. — Я сам поговорю.

— И тебе о многом с ней придется поговорить! — зло выплевываю я. — И смена школы — это тоже твоя ошибка! А еще тебе надо не только с дочерьми говорить!

— Я в курсе своих ошибок, — даже не оборачивается, — но спасибо, что напомнила. Я так понимаю, — на последней ступеньке он все же оборачивается, — ты хочешь со мной поскандалить и порадовать соседей новыми сплетнями? Я, конечно, потом тебе помогу продать квартиру.

— Алина! — повышаю голос, уязвленная замечанием Романа. —Все, я домой!

Глава 21. Когда станет понятно

Лепить надо не только ежей из шишек, а целую лесную деревню с хижинами и даже рынком.

Разминаю в пальцах пластилин:

— Алина, нельзя проконтролировать взрослого человека.

Молча склеивает вместе веточки.

— И если уж на то пошло, то лучше бы для всех нас было, если бы вы с Варей вместе жили сначала у меня пару недель, потом у отца. Это бы и была та самая совместная опека, о которой мы и договорились.

— Нет, мам, — подхватывает новую веточку со стола.

— Вы с Варей должны быть вместе, а не раздельно.

— Может быть, потом, — пожимает плечами. — Не сейчас.

Приклеиваю кусочками пластилина скорлупки фисташек к желудю. Это должна быть мышка.

— Что значит потом?

— Когда все будет понятно.

— Алина, — начинаю терять терпение, — поясни, пожалуйста.

— Когда будет понятно, что с папой, — поднимает на меня мрачный взгляд, — и с Наташей.

Я чуть свою уродливую мышку с большими ушами не роняю. От взгляда Алины по спине пробегает холодок.

И сейчас она очень похожа на отца.

— В каком смысле? — тихо спрашиваю я. — А разве с ними не все понятно, Алина? Он покупает дом для Наташи, которая скоро родит ребенка…

— Я Наташу так и не видела, мама, — тихо по слогам повторяет Алина и взгляда не отводит, — и папа о ней ничего не говорит. И дом он давно хотел, мама. Разве нет? Это ты не хотела уезжать из этой квартиры.

— А где тогда Наташа?

— Я не знаю. Она сейчас с нами не живет.

— Я ничего не понимаю, — растерянно говорю я.

— Вот я и говорю, мама, когда все будет понятно, — Алина берет очередную веточку.

Тянусь к кучке желудей.

Рома запер Наташу в каком-нибудь подвале, пока та не родит, а после отберет ребенка?

Он действительно может так поступить с молодой матерью?

Боюсь, что да.

Либо Наташа пока тоже выжидает развития событий. Девочки свыкнуться с мыслью, что родители развелись, дом купят, обустроят детскую, и тут явится она. Уже с розовощеким младенцем на руках.

Зачем ей сейчас лишний стресс от девочек-подростков, которые начнут ее изводить, верно?

Она должна доходить положенный срок в спокойствии и

без вот этой беготни Алины и Вари.

— Бесит! — рявкает Алина и ломает склеенные веточки, а затем отбрасывает их в стороны. Скрещивает руки на груди, раздувает ноздри и отворачивается, повторяя. — Бесит!

— Алина…

— Кому все это надо?! — указывает на кривые и косые поделки. — Мне не надо! Получу двойку и ладно!

Кажется, я поняла, почему Роман был раздражен, когда говорил о веточках, шишках и пластилине.

Злость на отца в Алине перевесило ее благоразумие.

— Ты же отличница, Алина, — осторожно начинаю я.

— Буду двоечницей!

Замолкает, скрипит зубами и, насупившись, возвращается к клею и веточкам:

— Она же уже скоро родит, да?

— Должна.

Опять ломает веточки, поджимает губы и молчит. Может, правда к херам собачьим весь этот лесной городок? Какие к черту ежики и хижины, если у нас тут в семье такая трагедия творится?

— Я знаю, что это из-за меня ты больше не можешь… что из-за меня… — по щекам катятся крупные слезы детской вины, — ни братика, ни сестрички…

— О, господи, — сгребаю Алину в охапку. — Алина, просто так случилось. Никто не виноват. Милая моя…

— Я хочу, чтобы мы опять все были вместе, — воет в мою

грудь.

— Теперь все будет иначе, Алина, — задерживаю дыхание, чтобы самой не разрыдаться. — Не будет вместе, и нам надо это принять.

Если Роман мне ничего не собирается разъяснять, то я, пожалуй, должна сама пообщаться с Наташей и понять, что происходит.

И какие у них планы.

А еще я хочу посмотреть в эти лживые глаза и спросить, счастлива ли эта милая и улыбчивая стерва тому, что разбила нашу семью?

Алина отстраняется от меня, вытирает слезы и шмыгает.

— Со мной папа тоже не говорит, — вздыхаю, — и раз так, то я, пожалуй, сама с Наташей побеседую. Чтобы хоть немного стало понятно.

Глава 22. Мы обе его не знали

Теперь ясно, почему Наташа однажды исчезла с радаров.

Пытаюсь выстроить цепочку событий.

Она могла быть на виду до тех пор, пока живот не выпирал, затем она взяла отпуск. Ну, так было сказано мне, когда я ей позвонила с просьбой отвезти букет цветов на день рождения одной моей шапочной знакомой.

Думаю, что первые три месяца она еще могла не вызывать подозрений, потом отпуск, из которого она явилась к Роману с прекрасной новостью, что беременна и что аборт делать поздно.

Конечно, поздно, и тем временем уже можно сделать тест на отцовство.

И если она пошла на такую хитрость, то вряд ли можно говорить о любви Романа к ее милой и скромной персоне.

Он же мог к тому же сказать, что им пора заканчивать постельные горизонтальные утехи, и она язык прикусила до поры до времени.

Чтобы потом было поздно.

А если бы не было поздно?

Рома действительно бы отправил Наташу на аборт? Или опять же пришел ко мне с гениальной идеей ребенка этого себе оставить?

Думаю, что на ранних сроках отправил бы, и я бы ничего

не узнала о его интрижке с помощницей.

Я вслушиваясь в гудки и нервно кусаю ногти.

Будь кто-то другой на моем месте, то я бы заявила, что звонить беременной любовнице бывшего мужа — глупо и даже унизительно, но пусть хотя бы она объяснит, что за за отношения у них были и есть сейчас.

Наташа не берет трубку.

Я перезваниваю.

Опять гудки, которые обрываются тихим голосом:

— Да, Валерия?

Я от неожиданности чуть не роняю телефон. Сердце разгоняется до бешеной скорости и подскакивает аж до корня языка.

Я молчу около нескольких секунд, и говорю:

— Я хочу встретиться.

Наташа почему-то горько усмехается.

— Ну, вы же в курсе, Валерия, что об этой встрече обязательно будет известно Роману?

— Ты мне угрожаешь, что ли?

Опять тихая и снисходительная усмешка, которая меня обескураживает.

— Нет, Валерия, это не я донесу Роману, если вы вдруг реально решите встретиться со мной, а его шавки, которые круглосуточно дежурят у дома моей бабушки, — вздыхает. — И я уверена, что и об этом звонке, ваш муж тоже узнает.

— Бывший муж.

— О, простите, Валерия, — хмыкает. — Бывшего. Точно же. Он же поэтому такой бешеный, да? Он мою бабушку чуть до инфаркта тут не довел своими криками.

— А ты чего ждала?

— Ну уж не того, что он мне начнет угрожать, что брата моего запрячет за решетку, а отца найдут в канаве мертвым, — голос Наташи вздрагивает.

У меня аж холодок по спине от ее слов.

Я знаю, что Роман может быть довольно жестким с подчиненными и посторонними людьми, но вот так?

Или я знала лишь одну сторону своего мужа, а другую он мне не показывал, потому что не за чем чувствительной жене-домохозяйке знать, что он мерзавец с другими?

— Я влюбилась в него, Валерия… Вот и все.

В это я могу поверить.

— Но это никак не оправдывает того, что ты легла под женатого мужика, Наташа.

— Он меня принудил к этим отношениям…

В первую секунду я верю Наташе, а потом я понимаю, что в словах Наташи мало логики.

Принудил и влюбилась?

Принудил, и она решила провернуть с беспринципным мудаком схему с сокрытием беременности?

— Поговорите с ним, Валерия, — Наташа переходит на шепот. — Я не думала… не думала, что у него так сорвет крышу… Если бы знала…

— То что? — тихо спрашиваю я. — Нашла бы другого женатого мужика?

— А к мужу… бывшему мужу у вас нет вопросов? — голос Наташи вздрагивает возмущением.

— Ты была вхожа в мой дом, Наташа. Ты мне улыбалась, приносила тортики.

Молчит, а затем говорит:

— Это не имеет никакого значения, — в голосе Наташи проскальзывает легкое пренебрежение. — Мы обе, Валерия, не знали Романа. Только вас он оставил в покое, а я оказалась в ловушке. И пострадать теперь могут мои близкие. Он сдержит все свои страшные угрозы, Валерия. Он не позволял вызвать бабушке скорую, пока я не согласилась на все его условия.

Глава 23. Актрисы

— Какие условия он тебе поставил?

Мне надо положить трубку и закончить это разговор.

Я ведь развелась с Ромой, и мне до его условий для Наташеньки должно быть по барабану.

— Я должна отдать ему ребенка, — голос у Наташи тихий, но я все равно не могу в нем разобрать истинные эмоции.

Это же трагедия лишится ребенка.

Возможно, у Наташи уже нет сил проживать каждый день страх и отчаяние перед взбешенным мужиком.

Либо этот ребенок был для нее проектом, который с треском провалился.

— Я так понимаю, вы отказались, Лера, от его гениальной идеи, — хмыкает. — Вновь стать мамой, да?

В спальню без стука заглядывает Алина. Медлит несколько секунд, заходит и садится на край кровати.

Мне бы прогнать ее, но что ей помешает подслушать под дверью?

— Отказалась, — отвечаю я.

Молчание, и Наташа шепчет:

— Поговорите с ним, Валерия.

— О чем?

— О том, что моему ребенку нужна мать, — ее голос вздрагивает.

На секунду я аж замираю от надрыва в ее интонациях, а потом вспоминаю, как она улыбалась мне при встречах.

Ей не было стыдно, и она идеально играла милую исполнительную овечку.

Будь она жертвенной овцой, то она бы не смогла проиграть ситуацию с сокрытием беременности.

Либо она сразу все вывалила Романа со соплями и слюнями, как только все узнала.

Либо скрылась с глаз Романа и его семьи. Этот вариант был бы для нее предпочтительнее, если разговор идет о том, что Роман чуть ли не насильник.

— Валерия, вы же сама мама… И понимаете, что… — всхлипывает.

Алина напряженно смотрит на меня, а я медленно поглаживаю переносицу.

— Мужчины ведь не понимают… Он скинет все на няньку…

Рома понимает.

У Ромы жена в ауте лежала после рождения второй дочери.

Рома прекрасно осознает, что такое младенец, и он с ним справится даже лучше чем некоторые матери.

Но Наташа не знает подробностей нашего прошлого и думает, что Рому можно продавить разговорами о том, как важна младенцу мама и ее сиська.

Не-а, не продавишь.

Его вообще не продавишь, если он что-то для себя решил.

— Ты ему не нужна, — тихо отвечаю я.

Это со мной он старался уступать, но и то часто после долгих уговоров, в которых я была ласковой и тихой.

Однажды Рома мне сказал, что только мне он не может отказать, а после поцеловал в нос и крепко обнял.

Поцелуй и теплые объятия с признанием помню, а о чем я просила Рому — нет. Хмурюсь.

— Валерия, мне жаль, что так получилось, — сипит Наташа. — Я просто влюбилась. Поймите.

Точно. Папа въехал на машине в зад гелендвагена. Хорошо так поцеловал чужую тачку, и я упрашивала Рому, чтобы он этот вопрос разрулил.

И он разрулил. И оплатил ремонт, который вышел в большую сумму.

— Да, дура, что влюбилась, но… разве можно за это винить?

— Влюбилась в того, кто тебя принудил? — закрываю глаза и давлю пальцами на переносицу.

Как выкрутится?

— Я влюбилась до всего этого кошмара…

— До какого такого кошмара?

— Вы должны мне помочь…

— Наташа! — на стороне раздается недовольный старческий голос. — Ты кому звонишь, а? Мало нам от тебя проблем?! Дай сюда!

— Ба!

Что-то я не слышу в голосе старушки умирающих ноток и слабости с болезненностью.

— Кто? Чего надо, а? Не звоните ей сейчас! Нельзя!

Я аж вздрагиваю от зычного голоса.

— Его жена, — шипит на стороне Наташа. — Ба, отдай телефон.

Растерянное молчание, и я говорю:

— Здравствуйте. Это Валерия. Бывшая жена Романа.

— О-оооой, — растягивает старушенция в трубке с испуганным выдохом, — ой! Батюшки… — ее голос становится жалобным и даже плаксивым, — а вам что надо? Посмеяться хотите? Дитятю забираете… Да как вам не стыдно? Что же вы за люди такие, а? Думаете деньги есть и все дозволено? Ооо-оой…

Вот это актриса.

Я приподнимаю брови, вслушиваясь в старческие охи и ахи.

— Муж у тебя изверг…

— Бывший муж…

Замолкает на пару секунд, переваривая информацию, и, наверное, решает, что я теперь не враг, а союзник, которого можно взять на жалость:

— Ой, не нужны нам проблемы… не нужны… Поубивает же, поубивает, и ведь никто не поможет… Кто ж против него пойдет?

Сбрасываю звонок и откладываю телефон. Противно и липко.

— Ну, что там, мам?

Глава 24. Я знаю

— Я сама, — Варька вырывает из моих рук сумку, которую я достаю из багажника. — Козел.

Замирает на несколько секунд и зло щурится на меня. Видимо, ожидает в ответ тоже какую-нибудь грубость.

— Так-то не поспоришь, — соглашаюсь и закрываю багажник мягким движением руки. — Козел, да.

Может, я должен на провокацию дочери испытать гнев, но я что-то опустошен. Бракоразводный процесс завершился, я получил на руки свидетельство о расторжении брака и, если честно, то я хочу просто нажраться.

До невменяемости и струек слюны изо рта. До неразборчивого мычания, в котором бы я неуклюже перевернулся на другой бок и забылся пьяным сном.

Но я все еще — отец.

Больше не муж, но все еще папа, который не теряет надежды, что ему удастся каким-то невероятным образом наладить отношения с дочерьми.

А это под силу только волшебнику, который взмахнет волшебной палочкой и сотрет им память. Без магии тут не обойтись.

— Бесишь, — Варя в ярости всматривается в мои глаза. — Ненавижу.

— Ты уже это говорила.

— И еще раз скажу.

— Хорошо.

Я вспоминаю ее детские истерики, и как она кусалась, когда я пытался вытереть ее сопливый нос.

И как она смеялась, когда я с наигранным испугом ойкал и прижимал руку к груди.

Я называл ее акуленком.

И даже вязаная акулья шапка была. Смешная такая.

Только вот мой акуленок вырос, и уже я укусил его. Да что там укусил. Вырвал кусок плоти и сожрал, как настоящая акула.

Кривится и раздраженным броском возвращает мне дорожную сумку.

— Идем, — разворачиваюсь и шагаю к крыльцу жилого комплекса, из которого я скоро перееду. — Мы же можем и целые сутки в гляделки играть. И ты, конечно, выиграешь.

— Ненавижу твои тупые шутки, — следует за мной, специально шаркая ногами.

— Не шаркай.

— Отвали.

— Войдет в привычку, Варь, — стараюсь говорить спокойно, — и будешь потом всегда подволакивать ноги, как старушка.

Что-то бурчит в ответ, но шаркать перестает, но теперь щелкает суставами.

— Варь.

— Да чо ты пристал-то?!

Но я прекрасно знаю, что она щелкает пальцами, чтобы привлечь к себе внимание. С этой же целью она и шаркала ногами.

Напоминает о себе, что она рядом, будто отвернувшись я забуду о ней.

— Будешь много щелкать суставами, то со временем деформируются суставные сумки, — а если бы сейчас валялся пьяный на диване, то мне не надо было проводить воспитательные беседы с обиженным подростком, — пойдет воспаление, разрушение суставов.

— Ну и что?! — рявкает Варя.

Я резко к ней разворачиваюсь, и она чуть в меня не врезается. В глазах вспыхивает испуг, и она отспуает от меня, как от дикого зверя.

— Варь, ты ничего этим никому не докажешь, — всматриваюсь в ее глаза. — Не надо вредить себе и наказывать меня этим. Тебе жить еще долгую жизнь, а больные пальцы с опухшими суставами подпортят тебе ее.

— Ну и ладно, — глядя мне в глаза он громко хрустит суставом большого пальца.

Упрямый акуленок.

— Ладно, — опускаю сумку на тротуар и делаю шаг к Варе.

Она напрягается. Наверное, взгляда моего пугается, потому что я сам в свое отражение лишний раз не смотрю.

— Ударь меня, — вздыхаю я и развожу руки в стороны. — Давай.

— Что?

— Ты же на меня злишься, — я не отвожу взгляда, — и я тебе сделал больно. Ударь.

Бабка на лавке у соседнего подъезда заинтересованно наблюдает за нами. Аж не моргает.

Похуй на эту старую мымру.

— Пошел ты! — Варя кривится, проходит мимо, но все же его под вспышкой гнева разворачивает ко мне.

Она толкает меня в грудь:

— Козел!

Опять толкает:

— Ненавижу!

Бабка округляет глаза, когда Варя сжимает кулак и бьет меня по лицу.

Удар слабый, девичий и неумелый. Варя сама это понимает, поэтому с рыком бессилия отступает.

— Что за дети пошли, — охает бабка.

— Заткнулась, блять! — гаркаю на нее. — Тебя не спрашивали! — а затем вновь смотрю на Варю. — У меня есть предложение, Варюш, записать тебя на какие-нибудь единоборства, чтобы ты могла навалять папке. М?

— Пошел ты, — отвечает неуверенно, но я вижу по ее глазам, что ей идея нравится. Тихо добавляет. — Козлина. Еще на бабку разорался.

— Некоторые бабки сами напрашиваются.

Варя молчит и накидывает на голову капюшон.

— Все? Мы можем идти? — сдержанно уточняю я.

У нее дергается верхняя губа.

— Я тебе однажды наваляю.

— Будет за что, — надеюсь, мне хватит отцовского смирения и терпения. — Но чтобы кому-то навалять, этому сначала надо научиться. И это будет полезный навык для девочки.

Чуток медлит и торопливо шагает к крыльцу, а я, подхватив сумку, ровным шагом следую за ней.

Бабка на лавке готова сжечь меня взглядом, но боится даже пикнуть. Старые люди тоже могут быть мерзкими и трусливыми, когда оскалишься на них.

А я сейчас скалюсь на всех. Лишь с дочерьми стараюсь держать в руках, потому что есть надежда, что я их окончательно не потерял.

Их мать потерял.

— Я знаю, — тихо говорит Варя, и мне приходится напрячь слух, — знаю, — останавливается у лестницы и сжимает кулаки, — что ты предлагал маме носить накладной живот.

Глава 25. Звонок

— Почему ты молчишь?

Я молчал всю дорогу от крыльца до квартиры.

Без слов прошел в комнату, которую я готовил для дочерей и кинул сумку на одну из двух кровать.

— Располагайся, — короткой говорю я Варе. — Через минут пятнадцать сядем ужинать.

— Папа.

Я останавливаюсь в коридоре.

Что я могу сказать дочери?

Что я злюсь?

Что я чувствую разочарование в Лере, которая не должна была посвящать наших дочек в подробности нашего непростого разговора.

Да, не должна была.

Этот разговор был только между нами, как между супругами, а она втянула в него и Варю.

Да, она обижена, и Варя могла саму ее вывести на крики, в которых она ляпнула про накладной живот, но это никак меня не успокаивает.

— Папа…

— Я не считаю, что ты должна была знать про накладной живот, — разворачиваюсь к Варе и понимаю, что она не разулась, и за ней тянутся грязные следы.

И она сделала это специально.

Она знает, что надо разуваться. Я ее лично этому учил и говорил, что надо уважать чистоту.

— Иди разуйся, пожалуйста, — медленно проговариваю я. — И вытри за собой грязь, Варюш. Тряпку и ведро найдешь в кладовке. Она тут.

Шагаю мимо Вари, которая с вызывающим прищуром провожает меня.

— Варя, вот тут кладовка, — выхожу из коридора и указываю на белую дверь. — Там ведро и тряпка.

Я прекрасно знаю, что она проигнорирует мою просьбу и натопчет еще больше следов. Она хочет вывести меня из себя до криков и до того, что я в бессилии перед ее подростковым бунтом сдам позиции и отправлю к матери.

Откажусь от нее.

Докажу, что она была права.

— Это была тупая идея с накладным животом, — заявляет Варя, когда я прохожу мимо нее и направляю неторопливым шагом в свою комнату. — Ты капец тупой.

— А ты не в силах придумать оскорбление повитиеватее, м? — оглядываюсь. — Чтобы быть поумнее отца? Или ты все же умом в меня пошла?

Да, я потерял перед ней авторитет, но она тут. Пусть и с целью контролировать меня. Я все еще нужен ей, несмотря на грязные следы на полу и ругань.

Она пошла за мной, и я должен сейчас отплатить ей тер-

пением.

— Интеллект передается от матери, — едко парирует она. — Не от отца.

Одобрительно хмыкаю.

— Как и то, что рождаются девочки, — шипит она, как разъяренная песчаная змейка. — Ясно? Это от мужика зависит пол ребенка.

Выдыхаю.

Может, все-таки эту идею фикс о мальчике в головы моих дочерей вложила именно Лера?

Поскрипываю зубами.

Меня дико бесит, что мне приходиться оправдываться за то, к чему я, блять, не имею никакого отношения.

Все, сука, просто сговорились на тему мальчика и решили, что я страдаю от его отсутствия.

Может быть, я бы и страдал, если бы у меня не было в прошлом той возни с дочками, в которой я проникся всеми прелестями родительства. Я, блять, с ним ездил в офис, проводил планерки, гавкался под их смех с подчиненными, которые лажали со святой уверенностью, что я лох педальный, раз обвешан детьми.

Тогда среди моих сотрудников, которых было всего десять человек, пошел слух, что Лера, похоже, умерла, и кто-то мне даже осмелился выразить тихие соболезнования. Как я тогда орал. Реально стекла на окнах дрожали. В соседних домах.

Сжимаю переносицу.

— Варь, милая, кто вам с Алиной говорит, что я очень хотел мальчика, — убираю с лица ладонь. Четко проговариваю каждый слог. — Я такого никогда вам не говорил. Никогда с мальчиками не сравнивал. Никогда, мать вашу, не охал и не вздыхал, что я с кем-то из вас ждал мальчика. Кто, Варя, вам вложил в голову эту идею.

Варя бледнеет. Она пугается моего тона и взгляда.

— Я устал, Варя, слушать весь это бред про мальчиков, — поскрипываю зубами. — Что мама ваша, что ты, что Алина. Девочки, мои милые, мои хорошие, — делаю шаг к Варе и рявкаю, — насрать мне на "мальчик или девочка"! Кто, Варя, кто?

— Мне надо помыть пол, — Варя тушуется и торопливо ретируется, — чо так разорался, блин. Психованный придурок.

— Это была ваша бабушка? — я не оставлю этот вопрос. — Варя!

Варя в ответ ныряет в кладовку.

— Варя! — распахиваю дверь. — Выкладывай.

Молча тянется к ведру под высокой полкой с чистящими средствами.

— Значит, бабушка нажужжала?

— Какая разница кто, — бурчит Варя.

Все-таки моя бывшая теща постаралась. И тесть, наверное, присоединился. Языки как помело. Вот они, суки, любят поохать и пахать, какая беда случилась с Лерой и что нам

был нужен обязательно мальчик.

Я затыкал их, и при мне они молчали на эту тему. Похоже, только при мне.

Вот отдам Варю в секцию единоборств, и они все перевернут, что я хочу из нее мальчика сделать. Точно, так и будет.

— Хорошо, я переговорю с вашей бабушкой, — шагаю прочь и медленно стягиваю галстук. — Вот же мымра.

— Только не убивай ее, — Варя выходит за мной с ведром.

— Много чести, — оборачиваюсь, — и теперь я точно против того, чтобы вы с бабушкой и дедушкой тесно контактировали.

В кармане вибрирует телефон. Выуживаю его из кармана и несколько секунд смотрю на имя одного из парней, которых приставил к Наташе. Одно из моих строгих требований было, что звонить мне стоит только тогда, когда есть серьезный повод.

— Папа? Кто звонит? — испуганный голос Вари вновь становится едким, — Наташа? Решила позвать на свиданку?

Глава 26. Чудовище

— Что, Коль? — принимаю звонок. — Говори.

Варя обходит меня с ведром и тряпкой и встает прямо передо мной. Ловлю себя на мысли, что она сейчас как даст мне этим ведром, если я опять ее проигнорирую.

Ну, мне не на кого валить вину, кроме как на себя.

Варя в меня такая вспыльчивая. В ней четко прослеживаются мои гены. Алинка помягче и похитрее, а это прямая и решительная.

— Тут скорая, — напряженно говорит Коля.

— Изверги! — слышу знакомый старческий голос, который переходит на визг. — Да пустите же вы!

— Что у вас там? Бабка опять помирает?

Почему-то начинает подташнивать, а Варя хмурится сильнее.

— Тут столько крови, — Коля цыкает. — Рожать, что ли, начала?

— Какой рожать? — я напрягаюсь. — Восьмой месяц. Рано.

— Тогда, все хуево, босс, — равнодушно подытоживает Николай. — У нее все платье в крови. Ноги в крови. Жуть, короче.

— Ее надо увозить! — раздается недовольный женский голос. — Вы кто такие? Я сейчас полицию вызову!

У меня дергается нижнее веко, будто его резко потянули за ниточку, и на секунду, на одну лишь секунду, я думаю о том, что вот оно - решение проблемы.

Если повезет, то двух проблем.

Веко вновь дергается и я прижимаю к нему палец.

Так нельзя.

— Она истечет кровью!

— Да что же это такое?! — визжит бабка Наташи. — Дай сюда телефон.

— Да, карга ты старая!

— Ты слышишь меня, изувер проклятый? Слышишь? Изнасиловал мою девочку сначала…

Прижимаю палец к веку сильнее, а Варя напротив меня округляет глаза. Бабка орет громко, и моя дочь слышит ее глупые обвинения, в которых нет ни капли правды.

— Теперь с женой со своей решили ее убить, да? — бабка захлебывается слюнями. — Думаешь, деньги есть, и ты хозяин этого мира? Ответишь перед Богом!

Кто же мог предположить, что все к этому придет?

К крикам, крови и моему тупому равнодушию к милой улыбчивой девочке, которая жутко краснела под моим взглядом.

— Бабушка, не кричи…

Вот уж точно чудовище.

Спектакль они сейчас разыгрывают или нет — не столь важно.

От слов Николая у меня только глаз задергался, но не сердце, которое будто спряталось за сухой коркой черной грязи.

— При чем здесь моя бывшая жена?

— Да пустите меня к ней! — рявкает женщина. — Дайте хотя бы осмотреть!

— Звонила она! Звонила! Вот после ее звонка… — старуха всхлипывает. — Я не знаю, что она наговорила моей девочке… Это же твой ребенок сейчас умирает…

— Папа, — блекло шепчет Варя, и страх в ее груди сожрал ее гнев. — Пап…

Зачем Наташе звонила Лера?

Я должен был предугадать, что она в женском уязвленном эгоизме полезет к той, из-за которой все пошло по пизде.

Если не я отвечу на ее вопросы, то моя шлюха, которая после беседы, возможно, помрет.

— Будьте добры, — разминаю шею с хрустом позвонков, — отдайте телефон моему человеку.

— Как ты спать после этого будешь.

— Телефон, блять, отдала! — рычу в смартфон. — Тупая ты мразь! Как я тебя приказ отдам? Через тебя?!

Варя отступает, сжимая ручку ведра до побелевших костяшек.

Что, папуля — не плюшевый мишка, который уроки помогает делать, да? Который дневники проверяет?

Который сдержанно и вежливо улыбается тупым учите-

лям с директором, скрывая в себе желание вывезти их нахуй в поле и побеседовать так, что, мать их, точно отпадет желание в следующий раз вызывать меня в школу из-за распущенных волос Варечки.

Что, я не тот папочка, который умело переворачивает блин в воздухе.

Так же умело, как одним ударом могу выключить человека.

— Да, босс?

— Пусть увозят. Узнай, куда повезут, и езжайте за ним.

— Понял.

Ой, надо же.

Папа изменял маме! Какой урод! Какой кошмар!

Как же меня все это заебало, и я зачем-то продолжаю, сука, цепляться за ту роль, которая давно не моя.

Да, мудак.

Еще какой мудак.

А, может, Лере сказать, что тот врач, который лишил ее возможности быть еще раз мамой, гниет в земле?

М?

Хотя нет.

Я же другой, да? Я подотру всем сопли, укрою одеялком и спою колыбельную, ласково поглаживая по головке.

— Папа…

Я сбрасываю звонок и прячу смартфон в карман. Смотрю на Варю. Сейчас совсем не скалит зубы, и уродом что-то не

торопится обозвать.

— Так, — смотрю на наручные часы, разворачиваюсь и шагаю прочь от притихшей дочери, — ужин. Через пятнадцать минут, а ты грязь за собой убери, Варюш.

— Ладно, пап…

Я хотел просто потрахаться. И я потрахался. Несколько раз. Весело, задорно и без лишних сюсю-мусю. Без вопросов “милая, тебе не больно?”, “Лер, так тебе нравится?”, “Хочешь позу сменить?”, “Мне остановиться? Ничего, Лер, просто полежим. Мне и лежать с тобой приятно”.

Моральный урод?

А не спорю, блять.

У меня руки в крови.

И деньги мои — грязные.

Только я не хотел, чтобы мои девочки знали, кем я стал за эти годы и как я изменился.

— Папа, — меня несмело окликает Варя, когда я захожу на кухню, скидывая пиджак.

— Что?

— Я могу ужин приготовить.

Я оглядываюсь. Я вижу в глазах дочери страх. Она меня боится.

— Помой полы, переоденься, и я тебя жду на ужин.

— А как же… Наташа?

Глава 27. Дай мне сил

Алинка копается в телефоне, а я сижу в кресле под тусклым абажуром и пытаюсь читать, но строчки скачут перед глазами.

Короткая вибрация, которая оповещает, что Алинке пришло сообщение, и я вздрагиваю, будто меня кто-то хлестнул по затылку.

Закрываю книгу.

Мне сейчас неинтересно читать про любовную любовь между скромной служанкой и строгим графом с темными тайнами в прошлом.

— Мам…

Я улавливаю тревогу и испуг в голоса Алины.

— Что? — я тут же напрягаюсь, и мне становится зябко.

— Варя пишет какую-то ерунду…

Алинка поднимает взгляд от смартфона. Бледная .

— Что опять? — тихо и сипло спрашиваю я. — Что она опять натворила.

Алинка молчит и сглатывает.

Может, она не выдержала и отца зарезала? Конечно, я думаю, сразу о плохом. Варя — резкая девочка, несдержанная, и вполне могла схватить в ссоре за какой-нибудь острый колющий предмет.

Пусть это будет вилка в бедре Ромы, а не нож в печени.

— Алина, говори!

— Наташа, — Алина переходит на шепот, — она про Наташу написала, что та истекает кровью, а папа… папа не в себе…

— Чего?! — охаю я.

— Варя пишет, что она его боится, — Алина крепко сжимает смартфон. — Мам… Что происходит?

— Я понятия не имею, — нервно и суетливо приглаживаю волосы и откладываю книгу про скромную служанку и строгого графа в сторону. — Перезвони ей.

— Давай я Варе, а ты папе?

Дельное предложение, которое подразумевает, что я своим звонком отвлеку Романа, и Алинка сможет спокойно переговорить с сестрой.

— Или поехали к ним, — Алинка не моргает.

— Нет, милая, — отвечаю я с кривой улыбкой, которая должна была выйти мягкой и убедительной. Неуверенно говорю. — Варя может преувеличивать.

— Зачем ей врать?

Алинка хмурится:

— Не хочешь, не звони папе. Давай я папе, а ты Варе? Короче, я звоню папе, а потом Варе. Сама.

Алинка недовольно морщит нос, касается экрана смартфона и раздаются гудки. Поставила на громкую связь, чтобы я все-таки услышала голос Романа.

— Алина, — я чуть не подскакиваю с кресла от холодно-

го, как сталь, голоса Ромы, — мы сели ужинать. Перезвони позже, а телефоны мы выключаем.

— Пап, у вас все нормально?

— Да, мы ужинаем.

Рома сбрасывает звонок, а я прихожу в себя, крепко вцепившись в подлокотники.

— Мам, что-то не так.

Да я по голосу Романа услышала, что что-то не так.

И при чем здесь Наташа, которая истекает кровью в сообщении Вари? Меня начинает подташнивать от липкого испуга.

— Мам…

Я тянусь к смартфону, что лежит на журнальном столике у стопки книг.

— Мам, если папа сказал, что они ужинают, то он свой и Варин телефон отключит, чтобы никто не мешал. Надо ехать, мам.

Перевожу на нее загнанный взгляд, и она вскакивает на ноги:

— Тогда я сама поеду! Блин, мам!

Какова вероятность того, что рома порешил Наташу после нашего с ней разговора?

Нет, это какая-то глупость.

— Твоя сестра сейчас могла придумать небылицы, чтобы мы собрались и рванули к ним…

Алинка с угрозой на меня щурится:

— Мы просто их проверим, мам.

По спине опять бежит холодок.

— Я позвоню Наташе, Аль, — прикладываю телефон к уху.

Но отвечает мне не Наташа и не ее бабушка, а какой-то мужик, который недовольно цыкает и вздыхает:

— Валерия, вы знаете, как записана у Наташи в телефоне?

— Вы еще кто?

— Вы записаны как “Мерзкая сука”, — игнорирует мой вопрос. — Как-то совсем неуважительно.

— Вы кто такой?

Меня начинает трясти, и я совершенно ничего не понимаю.

— Я думаю, что Роман и к вам скоро кого-нибудь приставит, чтобы вы не чудили, — мужчина опять тяжело вздыхает, — я — Николай. Лично с вами мы не знакомы, но я работаю на Романа. Уже лет семь.

— Да ты чо обалдел, какие семь лет? Десять, — отвечает на стороне другой мужской голос и что-то жует. — Десять лет пашем.

— Я не понимаю… Где Наташа?

— Все вопросы к Роману, — Николай тут же становится отстраненным. — Я просто решил ответить на ваш звонок и сказать, что теперь абонент будет временно недоступен. Или как там говорят.

— Блять, Коля, поворот!

— Спокойно, все под контролем! — зычно отвечает Николай и вежливо обращается ко мне. — До свидания.

Только вот Коля не очень умный или он пальцем промахнулся, но звонок он не сбросил.

— Если эта шваль подохнет, то нам прилетит, как думаешь?

— Не знаю, — мрачно отзывается Николай. — Может, придуривается, чтобы привлечь к себе внимание. Хуй знает.

— Подохнет, то точно нам прилетит, — невесело хмыкает второй мужской голос. — Разве можно так придуриваться? Там кровищи было, будто свинью резали. Что могла жена Грома ей такого сказать, что…

— Бывшая жена, — поправляет Николай.

Я сбрасываю звонок.

И перевожу взгляд на Алину, которая в ожидании скрещивает руки.

Гром?

Это, что, у моего бывшего мужа кликуха есть, как у бандюгана? И, как у бандюгана, есть ручные верные псы, которые работают на него уже десять лет?

— Переодевайся, — я поднимаюсь на ноги. — Заглянем к папе и Варе.

И мне резко становится тревожно за Варю.

— Господи, — на несколько секунд прижимаю к щекам холодные ладони и торопливо выхожу из гостиной. — Дай мне сил.

Глава 28. Уйти или остаться

Я не узнаю Романа, когда он открывает мне дверь. Это не мой муж, с которым я ложилась в одну постель и с которым не боялась скандалить по глупым мелочам.

Этого Романа я бы обошла стороной, потому что от его взгляда внутри все сжимается и замерзает.

— Алина, — вздыхает он, разочарованно взирает на дочь, которая выглядывает из-за моей спины. — Мы же договорились, что ты позвонишь после ужина.

— Я переживала…

Роман вскидывает бровь:

— За Варю, пап, — поясняет Алина.

— Ясно, — он отступает с порога и шагает прочь, — Варвара! Иди покажись!

Варвара?

Варя у нас становится Варварой, когда Роман злится. Очень злится. Он исчезает в коридоре, а мы на пороге квартиры с Алиной недоуменно переглядываемся.

Даже не пригласил пройти. Просто оставил дверь открытой.

— Варь! — Алина заходит в квартиру. — Это я.

Я следую за ней и зыркаю по углам в поисках крови Наташи. Ну, вдруг она успела после нашего разговора с жалобами заявиться сюда и устроить выкидыш на позднем месяце.

Закрываю глаза и морщу нос. У меня в животе нечему болеть, но от мыслей о выкидыше тянет фантомной болью.

— Привет, — к нам выходит Варя в веселой футболке с зеленым лягушонком и розовых домашних штанах. — Я в порядке.

И со вздохом скрещивает руки на груди и приваливается спиной к стене, глядя перед собой напряженным взглядом.

А где моя скандальная громкая дочь?

— Варь, — подхожу к ней и заглядываю в лицо, — что случилось?

Глупый вопрос, учитывая, что сейчас Наташа, возможно, теряет ребенка, а Роман как-то к ней не торопится.

— Он, пипец, психованный, — Варя хмурится до глубокого излома на переносице. — Уже бы поехал к своей шмаре, что ли…

— Может, — несмело предлагаю я, — поехали домой? — и, предугадывая реакцию Алины, оглядываюсь, — и ты тоже тут не останешься.

— И что? — спрашивает Варя. — И что дальше?

— Дальше вы выпьете на ночь молока и ляжете спать, — шепчу в ее лицо, — оставьте отца уже в покое.

— Как ты его оставила?

Этот вопрос меня бьет жестокой пощечиной, и шокированно молчу несколько секунд под злым отчаянным взглядом Вари.

Может, мне тоже хватит быть понимающей мамочкой и

показать дочери зубы, но меня что-то останавливает от ответной агрессии.

Ее глаза.

Вместе с отчаянием, в них я вижу и надежду, будто я могу сдержать ее отца от прыжка в бездну с края обрыва, на котором он оказался после нашего развода.

— Не говори так, Варя. В силу возраста ты многое не понимаешь…

— Если эта мразь и ее ребенок умрет, — Варя подается в мою сторону, — будет жопа. Ясно?

— Это уже не наша проблема…

— Уезжай, — Варя вновь отворачивается и выдвигает челюсть чуть вперед. — Приехала посмотреть на меня? Я в порядке, — переводит на меня черный от страха, злости и отчаянной мольбы, — а вот папа — нет.

Алина касается моей руки и с ожиданием всматривается в мой профиль:

— Мам…

— Вы не понимаете, девочки.

Может, оставить дочерей с Романом, а самой уйти?

Я ему ничего не должна.

Это не я ему изменила, а он мне, и имела полное право отказаться от нашего брака и выпнуть из своей жизни.

Бесится?

Это его проблемы.

Но почему я все еще стою в просторной прихожей, кото-

рая освещается лишь бра на стене у входной двери.

Почему мне кажется, что если я сейчас оставлю Рому, то ждать беды? Что он не с обрыва сорвется, а с цепи, и мое эгоистичное желание доказать ему, что я гордая и независимая, аукнется мне чем-то страшным.

— Он сейчас, наверное, в кабинете, — шепчет Варя. — Поговори с ним, а.

— Не говорит он со мной.

— Попытайся еще раз, — Варя не отводит взгляда. — Я же не прошу опять выходить за него замуж, мам. Развелись? Ок! — повышает голос. — Ладно! — переходит на шепот, — но вы ведь творите дичь! Оба!

— И мы за компанию, — Алина бегло смотрит на сестру, — и не спорь, блин.

— Отстань, — Варя огрызается. — Самая умная, что ли?

— Поумнее тебя.

Фыркают друг на друга, а потом обе, будто сговорившись, смотрят на меня и молчат.

— Вы можете остаться с отцом…

Я не договариваю и сжимаю переносицу, устало опустив лицо.

Вот так просто рома стал мне чужим человеком, за которого я не переживаю? Неужели я правда сейчас могу уйти, а потом спокойно заснуть?

— Где его кабинет, — едва слышно спрашиваю я.

— В конце коридора, — также шепотом отвечает Алина.

— Он еще не успел врезать замок, поэтому дверь не запирается.

— Поняла.

Алина встает рядом с Варей и находит ее руку, чтобы потом крепко сжать.

— Он с тобой такой же психованный? — печально интересуется она.

— Да молчун он обычной, — Алина вздыхает и кладет голову ей на плечо, — а что у вас было на ужин?

— Замороженные фрикадельки потушил.

— Еще остались?

— Да.

— Тебе наложить?

Хоть девочки немного помирились. Скидываю туфли, и на носочках шагаю в темный коридор, в котором скрылся Рома.

Чувство такое, будто иду в логово раненого чудовища, которое может меня сожрать и костей не оставить.

Останавливаюсь у закрытой двери и медлю несколько минут, вслушиваясь в тишину, которая давит на плечи пудовыми гирями.

Мы столько лет прожили вместе. Столько прошли. Так любили, и я должна быть благодарной за прожитые вместе годы.

Злость и обида уничтожит нас.

Делаю вдох, поднимаю кулак и стучу костяшками по две-

ри из темного дерева:

— Рома, я могу войти?

Глава 29. Ты не в себе

Рома мне не отвечает, и в груди нарастает тревога.

Я не думаю, что мой бывший муж из тех людей, которые могут с собой что-то сделать из-за развода с “любимой” женой, но все равно страшно.

Обхватываю дрожащими пальцами шарообразную бронзовую ручку. Холодная, и я передергиваю плечами. Ежусь. Даже зимнее пальто не спасает от холодка, что бежит по спине.

Медленно поворачиваю ручку до тихого щелчка и открываю дверь, ожидая увидеть что-то очен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.